ПРОЕКТ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

ЗЕМЛЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ ФОНД

МИЛЛІОНКА

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

МИЛЛИОНКА – МЕСТО СИЛЫ

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

ГЕМОХЕЛП ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

НИЖНИЙ НОВГОРОД, 2022

Информационный вестник «Миллионка — место силы»

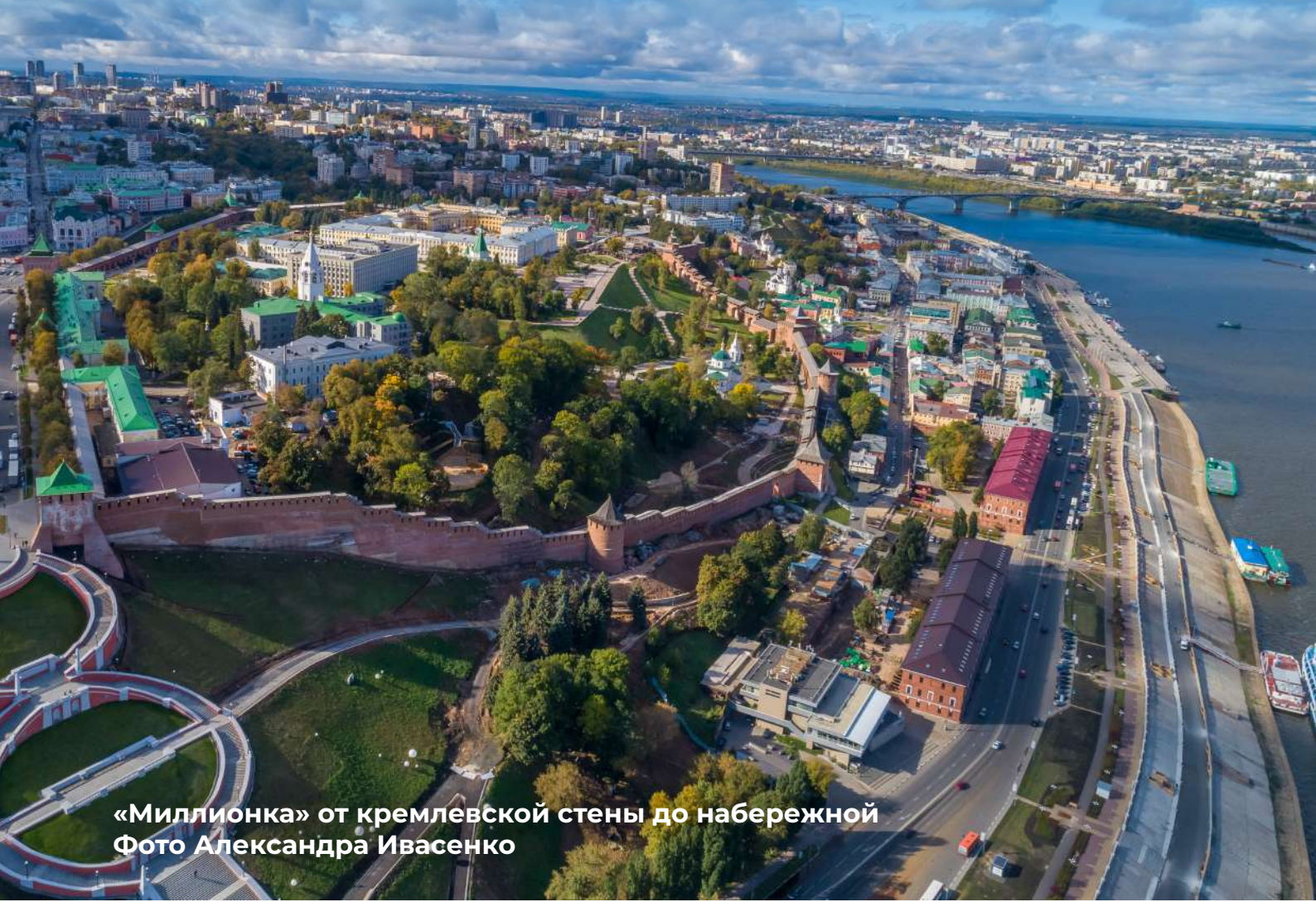
Издание подготовлено благотворительным фондом «Земля Нижегородская», как пособие для учителей, учащихся, экскурсоводов

При поддержке Президентского фонда культурных инициатив

Особая благодарность Группе компаний «Гемохелп» за возможность издания информационного вестника

Руководитель проекта — Александр Сериков
Редактор — Марина Полевая
Дизайн обложки — Мария Бурнаева
Фото — Александр Ивасенко
Верстка — Кирилл Соков

603001, Нижний Новгород,
Нижневолжская набережная, 7/2, офис 22
тел.: (831) 430-28-15
zemlyann.ru
vk.com/zemlyann



«Миллионка» от кремлевской стены до набережной
Фото Александра Ивасенко

О богатстве Миллионки

Благотворительный фонд «Земля Нижегородская» всегда видел туристический потенциал квартала Миллионки. Мы понимали, что квартал требует, как минимум, благоустройства, а в дальнейшем - комплексного развития, поэтому разработали целевой проект и в 2021 году подали заявку на получение гранта Президентского Фонда культурных инициатив, победив по тематическому направлению «Место силы». В настоящее время фонд занимается реализацией этого проекта.

Как известно, квартал получил свое неформальное название «Миллионка» только в середине XIX столетия из-за большого количества ночлежных домов, сосредоточенных именно в этой части города (подобные кварталы существовали во всех крупных городах России — Москве, Санкт — Петербурге, Казани). Так презрительно и свысока был назван этот квартал в противовес респектабельной и богатой Рождественской улице, которая по праву могла бы называться улицей Миллионеров.
Здесь, в ночлежках (копеечном или вовсе бесплатном ночлеге) находила приют огромная армия бедного люда — не только бурлаки, грузчики, крючники, ремесленники, мастеровые, но и бродяги, босяки, разного рода преступный элемент, «золоторотцы», «бывшие люди», о жизни которых поведал наш земляк, выдающийся писатель Максим Горький во всемирно знаменитой пьесе «На дне».

Вот как описывает жизнь квартала Миллионки в своих очерках краевед Дмитрий Николаевич Смирнов: «Нижнебазарной окраиной Нижнего являлась получившая громкую известность «Миллионка», состоявшая из Большой и Малой Живоносновских улиц и ряда поперечных переулков. Населяли Миллионку кормившиеся около Волги грузчики и сезонные рабочие, а также обслуживавшие их «печеночники», «пирожники», «сбитенщики» и проч. Немало числилось безработных и «стрелков», живших подаянием. В центре нижегородского «дна» располагались дома Косолапова, Брылина, Колчина, Горина, Распопова. Дома эти служили для «миллионщиков» обычным ночлежным приютом. Все жилые помещения в Миллионке были похожи одно на другое: темные, грязные, вонючие комнаты среди каменных, почерневших от времени стен, наощупь холодных, мокрых и осклизлых... «Квартиранты» спали, не раздеваясь, на полу, подстилая под себя куски старых рогож. В отдельных домах устраивались 2- и 3-ярусные нары, и тогда ночлежникам предоставлялось право занавесить свой угол «драпировкой» при помощи рваного куска ситца и в таком «семейном отделении» спать парой с постоянной или случайной женой. Жизнь «отверженных» Миллионки нисколько не беспокоила городских заправил, несмотря на то, что до них иногда доходили отчаянные просьбы о помощи случайно застрявших там людей».
Но, разумеется, память места и история этого квартала не ограничивается только XIX веком. Она богата, уходит вглубь веков, но пока мало популярна у нижегородцев и туристов, поэтому нам, нижегородцам, важно узнать как можно больше об этой части Старого Нижнего. В течение восьми столетий обживали нижегородцы эту территорию, а река во все времена определяла их образ жизни.

К 800-летию Нижнего Новгорода квартал преобразился, на бюджетные средства было проведено благоустройство улицы Кожевенной, где появилась мостовая, были отреставрированы фасады домов, улица прекрасно освещена, продолжается ремонт зданий, поэтому теперь пеший маршрут по Кожевенной улице от площади Народного Единства с памятником Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому до памятника Петру Первому и приятен и познавателен. На улице развернута фотовыставка «Миллионка на Волге. Быт и нравы», заработал «Живой музей ремесла», который открыла Палата ремесел Нижегородской области, можно посетить достопримечательное место - Ночлежную квартиру в доме №10 на Кожевенной улице, где воссоздан интерьер и быт ночлежки, описанной Горьким.

Это преображение квартала как нового общественного пространства стало возможным благодаря совместным усилиям областных и городских властей, культурным программам благотворительного фонда «Земля Нижегородская», знающим и талантливым экскурсоводам, проводящим здесь экскурсии. В перспективе район Кожевенной улицы, прилегающих переулков и площадей может стать местом притяжения для нижегородцев и гостей города.

Формировался и застраивался этот исторический квартал у самого подножия Кремля в течение нескольких столетий, с самого основания Нижнего Новгорода в 1221 году благоверным князем Георгием Всеволодовичем (родился основатель Нижнего Новгорода 26 ноября 1187 года в городе Суздале, то есть в год 800-летия Нижнего Новгорода мы отмечали 834 года со дня его рождения).

Задачей князя было поставить крепость для обороны земель Владимиро-Суздальского княжества от вражеских набегов. Выгодное географическое положение на слиянии Оки и Волги — единственных транспортных артерий в те времена, высокие кручи Дятловых гор, впадающая в Оку речка Почайна (когда-то она была судоходной, а теперь забрана в трубы) — лучшего места было не найти. Деревянная дубовая крепость со временем пришла в упадок, и в 1516 году был возведен надежный каменный Кремль, который ни разу не был сдан врагу. Со временем военные фортификационные задачи крепости менялись на мирные промысловые, торговые и ремесленные. Многое помнит район Миллионки: в лавках, находящихся на Живоносновской (ныне Кожевенной) улице, торговали железом, чаем, сахаром, бакалейным товаром, мылом, дичью, кожевенным товаром, а лучшими в городе были признаны сапожники именно с Нижнего базара. В Рыбном переулке, идущем с этой улицы прямо от Обжорного ряда к Волге, находились живорыбные лавки, продукция которых поставлялась в Москву и Петербург. Здесь же находился лучший в Нижнем рыбный ресторан. На Нижней Живоносновской, располагавшейся ниже Верхней Живоносновской, с XIV столетия находились торговые бани, выходившие на набережную, а на месте Красных казарм когда-то располагалась Стрелецкая слобода.

Нижний посад или Нижний базар, Ивановская площадь (по имени Ивановской башни кремля и Ивановского же съезда) — так называлась раньше современная площадь Народного Единства. Именно здесь Кузьма Минин положил начало борьбе со смутой в нашем Отечестве. Он, простой человек, земский староста обратился к нижегородцам с воззванием о спасении Отечества от иноземных захватчиков и был услышан. Именно здесь в 1611 году проходил сбор средств для формирования Второго Нижегородского ополчения, спасшего суверенитет нашего государства и веру православную. Образно и масштабно этот исторический момент запечатлен на картине Константина Маковского «Воззвание Минина к нижегородцам», которая находится в Нижегородском государственном художественном музее.

Улица Кожевенная раньше называлась Верхней Живоносновской по имени церкви Живоносного источника, которая стояла между двумя корпусами Красных казарм, только выше и ближе к кремлевской стене. Вода из источника считалась целебной от глазных болезней. Теперь на этом месте — скульптурный комплекс с памятником Петру Первому.

В интересующем нас квартале довольно хорошо сохранилась историко — архитектурная среда XIX века: здания, планировка улиц начала XIX века, некоторые исторические названия которых даже сохранились до наших дней. Интересно рассматривать исторические снимки (М.П. Дмитриев), гравюры (Олеарий), рисунки (Д.Я. Быстрицкий) и картины (Верещагин, Маковский, Юон), на которых запечатлены церкви, Нижнебазарная площадь, улицы и переулки квартала Миллионки и сравнивать их с современными - Кожевенной улицей, Ивановским съездом, Магистратской, Широкой и Торговой улицами, Нижневолжской набережной, переулками Кожевенным, Рыбным, Казарменным. На наш взгляд, это перспективный для организации новых туристических маршрутов городской квартал, расположенный в подбрюшье Кремля. Более того, единым туристическим кластером он может стать в более объемных границах — от улицы Широкой до Чкаловской лестницы, от бровки Кремля до Ивановского съезда, Кожевенной улицы, прилегающих переулков и Нижневолжской набережной. В основе экскурсий может быть не только рассказ о ночлежной «Миллионке» и прототипах героев пьесы М. Горького «На дне», но и рассказ о более древних исторических периодах, когда этот квартал только формировался. Одним словом, квартал Миллионки — это настоящее мифогенное поле, если заглянуть поглубже в его историю.

А.А. Сериков,
руководитель проекта развития культурного туризма «Миллионка»,
Почетный гражданин города Нижнего Новгорода.

Илья Лагутин: «Миллионка: музей под открытым небом»

В лицее №8 прошел открытый урок по истории старейшего в Нижнем Новгороде Нижегородского района, провел который для учащихся 8«Б» глава Нижегородского района Илья Дмитриевич Лагутин. С этой идеей к коллеге, руководителю района, обратился почетный гражданин Нижнего Новгорода и экс-глава Нижегородского района, депутат Думы и Законодательного Собрания, председатель благотворительного фонда «Земля Нижегородская» Александр Алексеевич Сериков.

Тема урока - легендарная «Миллионка», послужившая прообразом знаменитой пьесы Максима Горького «На дне», история и современность квартала в границах Кожевенной (бывшей Верхней Живоносновской) улицы, Ивановского съезда, улицы Широкой, Магистратской, Торговой, переулков Рыбного, Казарменного и Нижневолжской набережной. Напомним, что проект развития культурного туризма «Миллионка» благотворительного фонда «Земля нижегородская» стал победителем первого грантового конкурса Президентского фонда культурных инициатив.

Спикера открытого урока представляла лицеистам директор Ирина Николаевна Ярцева в кабинете истории, где недавно открыт музей знаменитого выпускника школы - Святослава Леонидовича Агафонова (а всего в лицее 17(!) музейных экспозиций, посвященных знаменитым выпускникам (http://www.lyceum8.nnov.ru/node/3449)). Ирина Николаевна подчеркнула, что у ребят есть уникальная возможность напрямую задать вопросы главе района. (Кстати, в режиме онлайн к открытому уроку присоединились 17 школ Нижегородского района).

Илья Лагутин прокомментировал исторические фотографии и известные живописные полотна, сравнив их с современностью, и назвал квартал «Музеем под открытым небом».
Александр Сериков рассказал школьникам о формировании нового туристического центра в квартале Миллионки, пригласил их вместе с родителями прогуляться по обновленной и благоустроенной улице Кожевенной, по бровке Кремля от Ивановской до Белой и Зачатьевской башен, изучить памятник Петру Первому — памяти какого исторического события он был возведен, полюбоваться зданиями Красных казарм, а затем выйти к Нижневожской набережной и Чкаловской лестнице.

Об истории одного из самых старинных кварталов родного города ребята слушали в большим вниманием. Сначала скованно, а, затем, все смелее, школьники задавали главе Нижегородского района предметные вопросы: когда глава района начал изучать историю; будут ли развиваться и благоустраиваться другие исторические улицы Нижегородского района; как возможно использовать старые здания; когда будет запущен Кремлевский фуникулер; планируется ли станция метро «Оперный театр»; какие территории будут благоустраиваться в Нижегородском районе в ближайшие годы, какие крупные объекты будут построены?
«Открытый исторический урок «Богатство Миллионки», который провел глава Нижегородского района Илья Дмитриевич Лагутин, - это пример, которому, в ходе разработки общегородского проекта по развитию этой территории, могут последовать и другие должностные лица: главы районных администраций, депутаты», - предложил Александр Сериков.
«Благодаря усилиям городской администрации и областного правительства продолжаются работы по строительству фуникулера, Кремлевский бульвар будет продолжен до Георгиевской башни Кремля. Как видим, формируется новый «подкремлевский» (по месту расположения) туристический кластер», - заключил Александр Алексеевич.
(Официальный сайт газеты «День города», 19.12.2021)

Презентация к открытому уроку «Богатство Миллионки» на страницах 14-22.

Новые темы для экскурсий по Миллионке

1. «Новгород Нижний», «Новгород Низовские земли», «Нижний Нов-Град»

2. Избрание осенью 1611 года земским старостой Кузьмы Минина. Земская изба размещалась около церкви Николы на Торгу

3. Для спасения Русской земли и формирования ополчения Минин обратился с воззванием ко всему населению города

4. Князь Пожарский и «выборный человек всей землею» Минин действовали в полном согласии

5. Польская шляхта пренебрежительно называла Кузьму Минина «Куземкой». Но ход истории указал место обидчикам, а Кузьма Минин вошел в историю как Спаситель Отечества

6. О памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому

7. О Нижнем посаде и торговых рядах

8. О бедняках Нижнего посада - «захребетниках», «подсоседниках», «затыльниках», «бобылях» и «ярыжных»

9. О Стрелецкой слободе

10. О немецкой слободе

11. Традиции русской кухни. Нижегородский можжевеловый квас. Мед. «Зелено вино».

12. Государевы кабаки

13. Церковь и нравственность.

14. Борьба на Нижнем посаде с «неблагозвучными словами»

15. Указ царя о разделении торговых бань на мужские и женские

16. Борьба с немецким платьем и куреньем

17. Борьба с народным весельем, как действием
«нечестивым» и «бесовским»
18. Скоморохи - бахари, потешники,
смехотворцы, глумцы, шуты, шпыни

19. Запреты на народные забавы царя Алексея Михайловича

20. О Рыбном переулке близ берега реки в соседстве с устьем Почайны.

21. Торговля солью. Рыбники Григорий Никитников и Семен Задорин. Строгановы.

22. Адам Олеарий. Первые верфи в Нижнем были построены напротив современных Красных казарм (на территории квартала Миллионки)

23. Новый календарь. Чтение Указа Петра На Нижнем базаре

24. Указ носить платье только Немецкое.
Манекены у церкви Николы на торгу

25. Реформы Петра I. Засилье новых слов и понятий. Перестройка присутственных мест. Здание Магистрата на Нижнем базаре.

26. «Доходы от дел», попросту говоря взяточничество, достигло в петровское время в нижегородских казенных служебных местах ужасающих размеров. Петровское «зерцало» с назидательными надписями

27. Война с Персией. Петр в Нижнем.

28. Учреждение полиции. Самоуправство ямщиков.

29. Борьба с «вулканусом»:
«...Чьим небрежением от кого учинится пожар, и тому от государя быть казнену смертью»

30. «Кулачная забава» на льду Оки между Нижний базаром и Кунавинской слободой

31. Наказание провинившихся на площади у церкви Иоанна Предтечи.
Женщинам удавалось ускользнуть от сечения и выйти замуж

32. Первая в Нижнем школа разместилась
в двух домах на Нижнем базаре рядом с магистратом

33. Посещение Нижнего Новгорода Екатериной II. Дело Настеньки с Панской улицы

34. О первом герберге (трактире) на Нижнем посаде в Предтеченском приходе

35. О поэте Н.С. Ильинском — инициаторе сбора средств для памятника Козьме Минину

36. О бурлаках (некоторые из них в будущем стали хозяевами Нижнего базара и Рождественской улицы).
Биржа по найму на Ивановской площади.
«Под табак!»

37. Эпоха генеральной реконструкции города Николаем Первым.
Две кремлевские башни, Часовую и Северную, Николай предписал комфортабельно отделать для жилья себе и царице

38. О Миллионке — Нижнебазарной окраине Нижнего. Жизнь отверженных

39. О переписи босяков

40. Обжорные ряды

41. «Китайские кули» и «Японские рикши»

42. О лавке Рукавишникова на Живоносновской

43. Народные чтения на Нижнем базаре в читальне

44. О грузчиках, крючниках, горбачах, каталях, подушечниках.
О «зимогорах», попадавших «в переплет»

Представляем подборку интересных, занимательных и малоизвестных фактов о квартале Миллионки (и не только) из краеведческих очерков Д.Н. Смирнова «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII—XVIII веков», «Картинки нижегородского быта XIX века», «Очерки жизни и быта нижегородцев в начале X X века 1900—1916».

1. «Новгород Нижний», «Новгород Низовские земли», «Нижний Нов-Град»

«Новгород Нижний», «Новгород Низовские земли», «Нижний Нов-Град» — говорят документы, когда речь идет о городе, основанном князем суздальским Юрием Всеволодовичем на устье Оки в 1221 году. Многое испытал Понизовский край за первые столетия своей истории. Немало бед и радостей пришлось на его долю и после того, как он перешагнул за четырехсотлетие. Семнадцатый век для города и края богат событиями, запечатленными летописцами, сказителями, мемуаристами, путешественниками. Начало века застает Нижний Нов-Град, служивший в XIII—XVI веках форпостом русских на Востоке, уже в значительном отдалении от государственных рубежей. Покорение Казанского ханства в 1552 году и присоединение Астрахани в 1556 году уменьшили стратегическое значение усть-окского городка, но ярко подчеркнули его экономическую важность для страны.

2. Избрание осенью 1611 года земским старостой Кузьмы Минина (Земская изба - около церкви Николы на Торгу)

1611 год подходил к концу (новый год начинался тогда с 1 сентября), предстояла смена всех выборных городских должностей. Нижегородская нижнепосадская община избрала земским старостой только что возвратившегося из похода ополченца-добровольца Кузьму Минина.

При его избрании был составлен общий приговор обычного в таких случаях содержания: «Посоветовав всем миром, излюбили есмя и выбрали к государеву делу и земскому в Нижнем Нове-Граде в земскую Избу нижегородца же посадского человека в земские старосты Козьму Минина... ведать ему в посадском мире всякие дела и во всех мирских делах радеть, а нам, мирским людям, его, старосту, во всех мирских делах слушать, а не учнем его слушати, и ему нас надлежит к мирскому делу нудить...»

Новый земский староста приступил к исполнению своих обязанностей, не бросая своего мясного «рукомесла». Ежедневно Минин спускался с обрыва Часовой горы, где стояла его «животинная бойница», на Торговую площадь к «земской избе», помещавшейся около церкви Николы на Торгу. Здесь ждали его разнообразные посадские дела.

По роду своей административной деятельности ему также приходилось бывать и у воеводы в кремле, и на Верхнем базаре у верхнепосадского старосты. Везде «излюбленному посадскому человеку» приходилось сталкиваться с отголосками и отражениями общегосударственных событий тех месяцев, везде и всюду приходилось беседовать о катастрофически быстро ухудшающемся положении страны. Особенно тяжелые переживания приходились на долю патриота земского старосты, когда в Нижнем получались редкие известия из Москвы, доставляемые «бесстрашными людьми» Родионом Моисеевым и Романом Пахомовым. Все собеседники сходились на том, что гибнет Русская земля, нужны решительные меры...

3. Для спасения Русской земли и формирования ополчения Минин обратился с воззванием ко всему населению города

Стал задумываться Минин: «На что же надеяться? К кому обратиться?» Выдающийся ум избранника посадской людской массы подсказывал возможный выход из создавшегося положения: ведь не один он болеет душой за Отчизну, среди посадских много найдется таких же, как он, «болельщиков» и «страдальцев». Нужно объединиться «всем скопом», «всем миром», да войско и казну собрать, хорошего военачальника найти. Но вопрос в том — послушают ли? Ведь уж был случай: и деньги собрали, и под Москву ходили, да ничего не вышло...

Кузьма Минин оказался способным разобраться в тяжелых обстоятельствах момента. В конце концов у него возник план: обратиться к согражданам с предложением взяться за спасение земли предков по-новому, по его, Кузьмы, наметкам и указаниям, избегая ошибок прошлого.

Решив перейти от мыслей к действию, посадский староста начал разговаривать в земской избе с приходящими по делам посетителями на волнующую его тему. Излагая свои сокровенные думы, он убеждал каждого, что можно добиться успеха, если подняться не единицам, а всему народному множеству. Большинство собеседников при этом, по словам летописца, «в умиление приходить начаша», и лишь единичные люди «ругающеся отходяща». На вопросы как практически подойти к делу, Кузьма указывал на необходимость в первую голову собрать казну и предлагал желающим делать пожертвования. Вдохновенные слова Минина способствовали успеху добровольного сбора, сумма которого достигла 1700 рублей. Конечно, для серьезного похода этих денег было слишком мало, и Минин решил обратиться с воззванием ко всему населению города.

В одно из воскресений, после церковной службы, он произнес короткую, но близкую народному сердцу речь. До нас не дошел точный текст его речи, да и не мог дойти, так как никем не записывался. Минин произнес приблизительно следующее: «Если хотим помочь государству, то не пожалеем имущества своего, и не только имущества, но в случае нехватки и дома продадим или займем у имущих, отдав им в отработку жен и детей».

Говорил ли Минин красноречиво? Едва ли. Откуда посадскому человеку знать приемы «красивой речи»? Он был, вероятно, неграмотен (позднее за него в случае нужды подписывались другие). Простая, безыскусственная речь земского старосты нашла отклик в сердцах слушателей по той простой причине, что соответствовала общему заветному желанию помочь Отечеству и земле Русской. Результаты патриотического обращения к горожанам не замедлили сказаться. Широкой волной потекли пожертвования. Деньги, ценности, домашние вещи приносились на площадь, а земский староста вел им счет и сдавал на хранение в соборные подвалы. Во время сбора отмечались трогательные сцены, многие приносили последнее, были такие, что снимали с себя на площади и отдавали на общее дело одежду. Пример малоимущих посадских людей повлиял и на богатых. Известен из летописей рассказ о богатой вдове, которая из имеющихся у нее двенадцати тысяч рублей десять отдала на ополчение. После такого вступления предстояло найти подходящего человека, чтобы отдать под его начальство будущую рать.

Предлагая избрать военного руководителя, Минин обращался главным образом к массе, к посадским, к людям своего круга. Русская посадская община привыкла к самоуправлению и к выборному началу, но исключительно в своих пределах. Посадские собирали деньги, отдавали их в казну, но в государственные дела не вмешивались. Власть над ними принадлежала воеводам или боярам, периодически присылавшимся на места.

Народная нижегородская молва сначала смутно, а затем твердо и отчетливо указывала те качества, какими должен обладать будущий вождь ополчения. Нижегородцы желали, по словам «Нового Летописца», иметь себе наставника «честного», «кому заобычно ратное дело», даже больше того, «кто б был в таком деле искусен» и вместе с тем «который в измене не явился». Таким человеком, по общему говору, являлся выдающийся полководец князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

4. Князь Пожарский и «выборный человек всей землею» Минин действовали в полном согласии

«Заводчик» всего движения Кузьма Минин был выбран «миром» в казначеи и распорядители денежной части уже начинавшего формироваться ополчения. Для обозначения новой должности Минина не нашлось даже подходящего слова в терминологии того времени, и он с начата до конца похода пробыл в звании «выборного человека всею землею». С Пожарским Минин действовал все время в полном согласии, «в совете». В призывных грамотах, рассылаемых городам, имена обоих стояли рядом, и при нужде в подписи Минин доверял Пожарскому расписываться вместо себя: «В выборного человека всею землею в Козмино место Минине князь Дмитрий Пожарский руку приложил» (грамота из Ярославля на Вычегду). В важных случаях веское слово Минина всегда имело для руководителя рати немаловажное значение. В источниках не раз отмечаются совместные совещания Пожарского с Мининым.

5. Польская шляхта пренебрежительно называла Кузьму Минина «Куземкой». Но ход истории указал место обидчикам, а Кузьма Минин вошел в историю как Спаситель Отечества

Сохранились любопытные сведения, как отнеслись в Москве бояре и поляки к появлению вместе с ополчением в качестве чуть не первого лица простого посадского «мясника». Трубецкой, знатный боярин, кичившийся постоянно древностью рода, воскликнул: «Мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет!» Поляки в Кремле, получившие предложение сдаться, в своем заносчивом ответе писали: «Пусть хлоп пашет свою

землю, поп знает церковь, а Куземки пусть занимаются торговлей — государству лучше тогда будет». Русские изменники, посылавшие из Кремля в Польшу донесения, иначе не называли Минина, как «Куземка». Такое пренебрежительное отношение к Минину показывает ярко, какое сильное впечатление произвело вступление на политическую арену талантливого выходца из народа.

6. О памятнике Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому

В начале XIX века решено было воздвигнуть памятник организаторам ополчения — Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому. Над проектом и созданием памятника работал выдающийся русский скульптор И. П. Мартос. Но созданный им памятник, известный сегодня миллионам людей, был в 1818 году волею правительства установлен не в Нижнем Новгороде, а в Москве, на Красной площади. В Нижнем Новгороде в 1828 году поставили скромный гранитный обелиск в честь Минина и Пожарского. Автор — архитектор А.И. Мельников, рельефные изображения Спасителей Отечества выполнены по рисункам И.П. Мартоса. В 2005 году уменьшенная копия московского памятника работы Мартоса, выполненная Зурабом Церетели, была установлена в Н. Новгороде. Ныне прах Кузьмы Минина покоится в Архангельском соборе Нижегородского кремля.

7. О Нижнем посаде и торговых рядах

Нижний посад, в свою очередь, характерен чрезвычайно шумными, говорливыми «рядами», где в лавках, амбарах, шалашах, ларях, с полок, скамей и просто с земли посадские люди торговали всевозможными предметами потребления и обихода. «Рядами» места нижнепосадской торговли назывались потому, что в каждый из многих линий лавок сосредоточивались однородные предметы торга. Существовали ряды: суконный (мужская одежда), колпачный (шапочный), ветошный, холщовый, щепетильный (галантерейный), женский (одежда), хлебный, мыльный, свечной, мясной, рыбный, соляный и другие.

«Писцовая книга» дает достаточное представление о величине и характере нижегородской торговли в «рядах». Сенко Васильев «сидит с колпаками» в лавке с навесом. Климка-крупеник «торгует харчом» из ларя с полками. В трех шалашишках «сидят за рогожами» Савка Микитин, Онашка Солоницын, Якушка Пименов. В амбаре «о дву замках» продают глиняные горшки Исачка Лаврентьев и Онофрейка Максимов. Шесть лавочных помещений подряд принадлежат верхнепосадскому Ондреяну Михайлову сыну Спирину (который «обеднял», см. выше). Он отдает свои лавки «из найму», а сидят в них торговые люди, с москотильным, с мелким товаром. Упоминается в перечне лавок «анбаришка с палатми вдовы Фетиньи Алексеевские жены Галкина с сыном Олферкою», торгуют мать и сын коробьями. Имеется среди торговых предприятий и «сусленая изба» (очевидно, нечто вроде пивной), принадлежит она посадскому человеку Михалке Герешкину сыну Микитина (по месту проживания он записан пивоваром).

8. О бедняках Нижнего посада - «захребетниках», «подсоседниках», «затыльниках», «бобылях» и «ярыжных»

Ручное ремесло и мелкая торговля не давали возможности значительной части «худых людей» Нижегородского посада сносно кормиться. Одни теряли личную свободу, попадая на многие годы в ярмо подневольного труда. Других ожидало жалкое положение «ярыжных людей», принуждаемых обстоятельствами ко всякой работе, которую предложат. Задолжает «худой человек» многим, а рассчитаться нечем. Приходится идти к богачу, «лучшему человеку», и просить денег взаймы, чтобы расплатиться сразу со всей ватагой заимодавцев. Богач дает сравнительно большую сумму, но при этом составляется письменное условие, «служилая кабала», примерно такого содержания: «Се яз Петр Трофимов сын Федотов, да с своей женой Дарьицей Афанасьевой дочерью, да с сыном Прохором Петровым занял есмя в Нижнем Нове-городе у именитого гостя у Григория Дмитриевича Строганова двадцать рублей денег. А за те деньги нам, заимщикам, Петру с женой Дарьицей и с сыном Прохором у него, у Григория Дмитриевича, служить во дворе три года; всякое дворовое дело делать без ослушания и мотчания (проволочки). А полягут деньги по сроке (т. е. уплаты через три года не последует. — Д.С.), и нам, заимщикам, потомуж у него у Григория Дмитриевича служить по все дн и ...» (т. е. всю жизнь. — Д. С.).

Такие «служилые кабалы» были весьма обычны в нижегородском быту XVII века. Одинокому посадскому без знания ремесла приходилось плохо. «Писцовая книга» регистрирует множество людей, проживавших в Нижнем у городских домовладельцев под именем «захребетников», «подсоседников», «затыльников», «бобылей». Человек, потерявший связь с родными и близкими, часто даже не помнящий места рождения, пристраивался в семью оседлого достаточного жителя, соглашаясь на всякий домашний труд за кров и пищу.

Но и «подсоседничество» не было последней ступенью посадской бедности. Часть жителей Нижнего определяется в документах бытовым термином «ярыжные». Ярыги, ярыжные — это бесприютные бедняки, голь перекатная, босяки, одетые в рубище и вечно голодные. Не владея ремеслом, лишенные всяких перспектив на будущее, ярыги готовы были на любую черную (т. е. тяжелую и грязную) работу. Одни из них выполняли за мизерную плату мелкие поручения полицейского характера, получая от населения презрительную кличку «земских ярыжек», другие нанимались чистить конюшни, хлева и отхожие места, третьи отправлялись, обычно гурьбой, к местным судовым владельцам, предлагая свою грудь и мускулы, чтобы тянуть наполненный товаром струг против течения. К концу XVII века ярыжные получили еще прозвание «бурлаков». Одновременно бурлаком стали называть всякого бесшабашного, бездомного, кормящегося случайным трудом. Труд бурлацкий считался столь тяжелым, что сами ярыжные - бурлаки — называли свою жизнь собачьей.

9. О Стрелецкой слободе

Внутри города в разных местах располагались жилые слободки ратных людей «государевой приборной службы» — стрельцов. «Писцовая» говорит: «... Под Егорьевской горою в бугре (район совр. Волжской (Чкаловской) лестницы) слободка стрелецкая», «изба пятидесятника стрелецкого Минки татарина, изба черкашенина (казака) Дмитрия Петрова, избенка стрельца Богдашки балахонца, избенка стрельца Петрушки глухого», «Молчанки Яковлева», «Первушки Владимирова» (25 имен стрельцов)... К скату горы под Борисоглебской башнею прижималась вторая стрелецкая слободка, носившая название Подвигаловой.

Нижнему полагался гарнизон в пятьсот стрельцов, среди которых были рядовые стрельцы, десятники, пятидесятники и сотники стрелецкие. Всеми командовал пятисотенный голова из служилых дворян. «Огненным боем» заведовали пушкари и защитники. Входы в крепость сторожили воротники. Стрелецкие «сотни» набирались из свободного (не крепостного) населения путем «прибора» (отбора) подходящих к военной службе людей. Рядовые стрельцы должны быть и молодыми и «резвыми». Особенно ценилось последнее качество: если «резвым» стрелец не был, такого «метали» со службы вон, «прибирая» на его место нового. «В стрельцы ставка добра, да лиха выставка». Служба стрельцов считалась пожизненной, отставку получали только инвалиды и глубокие старики; до середины XVII столетия она была также наследственной. Жалования стрельцам давалось по три рубля в год деньгами и по шесть четвертей ржи и овса. Позволялось «прирабатывать» к казенному жалованию, торгуя мелкими изделиями собственного «рукомесла» с тем, однако, чтобы стоимость товара не превышала одного рубля. В «Писцовой» то и дело встречается: стрелец-гончар, стрелец-калачник, стрелец-обручник и т. д.

10. О немецкой слободе

В другой части города, ниже по Волге, вновь отмечается: «...за старым острогом от ц. Святых апостол Петра и Павла, по берегу Волги реки к Печерскому монастырю слободка нижегородских немцев и литвы». Опять перечисляются иноземцы: Даниил, Матвей и Михаил Флюверки, Христофор Стрик, франчюженин Карл, Адам Борейца, Индрик Мелярь, Крашевский, Ляховский... Впервые появились жители-иностранцы в Нижнем Новгороде в начале XVI века. Пленников присылало правительство партиями в понизовые города и обязывало гарнизонной службой. В разгар Ливонской войны в Нижний прибыли 50 горожан Юрьева-Дерпта. Иван Грозный обвинил их в сношениях с бывшим магистром Ливонского ордена.

Немцы недурно устроились в месте ссылки (местность внизу под Откосом), они привезли с собой лошадей, мебель и даже прислугу. Сосланные пользовались свободой передвижения и занятий. Правительство обнаружило в отношении к ним полную веротерпимость. При царях Федоре Ивановиче и Годунове в Нижний каждогодно приезжал для религиозного наставления своих бывших прихожан дерптский пастор. Занятия «нижегородских немцев» в основном заключались в гонке спирта и пивоварении, на что выхлопотали они особые привилегии. Иные содержали корчмы, а двое-трое занимались ростовщичеством. Часть ссыльных со временем свыклась со своим положением, обрусела, даже помогала нижегородцам во время интервенции.

11. Традиции русской кухни. Нижегородский можжевеловый квас. Мед. «Зелено вино».

Способы приготовления еды вырабатывались поколениями и, раз установленные, почти не менялись. Каждому виду мяса строго соответствовала плодово-овощная или остропряная приправа. От этого правила не отступали. К говядине полагался чеснок, к свинине — лук, к гусю — моченые яблоки. Ко щам из свежей капусты требовался пирог с гречневой кашей, к кислым щам — пирог с соленой рыбой, к лапше — пирог с мясом, к похлебке из круп — пирог с курицей, к ухе — пирог с морковью. Без пирогов ели только холодные жидкие блюда: окрошку и ботвинью. Любили нижегородцы рыбу во всех видах: жареную, вареную, печеную, сухую, вяленую, соленую и... сырую (только что пойманную!). Необыкновенно искусно

варилась нижегородскими хозяйками уха: голая (без пряностей), красная (с шафраном), черная (с гвоздикой), белая (с перцем), желтая (с янтарным жиром стерляди), сладкая (из ершей), рыбацкая (с примесью крупы), пластовая, сборная уха и др.

Хлеб по будням употреблялся исключительно ржаной. Пшеничная мука шла на белый хлеб — калач, съедаемый в воскресенье и праздничные дни. Считалось в обычае приглашать соседа по улице в воскресенье «калача отведать». Иногда такое «отведывание» калача продолжалось столь долго, что вызывало последующее раскаяние. Отсюда родилась такая поговорка: «Теперь меня к нему и калачом не заманишь!»

Любимыми напитками нижегородцев являлись освежающий квас и опьяняющие мед, брага, зелено вино. Сквасить воду с мукой или сухарями и солодом умела любая хозяйственная нижегородка, но некоторые обладали еще секретом варить нижегородский квас из ягод можжевельника. Нижегородский можжевеловый квас XVII столетия — непревзойденный освежающий и подкрепляющий напиток, известный всей России. Бурлацкие договора, заключавшиеся в Нижнем Нове-Граде, имели зачастую обязательство нанимателя запасти для путины бочку с можжевеловым квасом. Крепкий опьяняющий мед издавна был необходимой принадлежностью всякого нижегородского пиршества. За приготовлением домашнего меда наблюдал хозяин, а не хозяйка. Чтобы придать вареному меду опьяняющие свойства, прибавляли дрожжей или хмелю и оставляли неделю бродить. Готовому «ставленнику» можно было придать разный вкус. Приготовляли вешний, стоялый, обарный, красный, белый, с гвоздикой и особо крепкий «княжеский» мед. С медом успешно конкурировало «зелено вино», в свою очередь делившееся на сорта: простое, пенник, полугар, боярское и двойное. Выкурка и продажа крепкого вина составляла привилегию государства, отдаваемую в XVII веке денежным людям на откуп. Частично разрешалась выгонка вина монастырям по тарханным грамотам и посадским людям для свадеб и семейных праздников.

12. Государевы кабаки

Государевы винокурни и кабаки в Нижнем Новгороде с его уездом, отдававшиеся на откуп, перечислены в «Писцовой книге». «Близь Ивановского мосту... по левой стороне, на старом таможенном месте, двор государев кабатцкой, а на нем хором: изба с горницею ниские, да изба на мшанике, да погреб с напогребицею...» Второй кабак стоял в переулке на берегу Оки между церквами Троицкой и Рождественской. Третий — «на Верхнем посаде, за Дмитровскими каменными воротами, против кузниц». Четвертый — в районе Ильинских улиц. Кроме постоянных, существовали еще временные кабаки, открывавшиеся на день-два в переносных палатках при монастырях, соборах, церквах во время престольных праздников и других событий, вызывавших скопление народа. Кабаки в те три дня в неделю, когда были открыты, наполнялись мелким городским и приезжим людом. Зажиточные горожане обычно осушали чарки зелена вина в домашней обстановке, задушевно беседуя со своими друзьями-приятелями. Хождение «в гости» было в те времена единственным способом у пожилых людей скоротать свободное время. Взаимные посещения происходили не «как бог на душу положит», а по заведенному отцами и дедами порядку. Человек «вежливый», т. е. знающий порядок, обязан был поступать согласуясь с тем, как «делается у добрых людей». При взаимной «гостьбе» соблюдался известный «чин».

Старшие (по возрасту, сану, положению) вне особых торжественных случаев к младшим в гости не ходили. Являлись обычно равные к равным или низшие к высшим. Хозяин должен был уметь встретить каждого гостя по достоинству: человека сановитого — у крыльца, менее значительного — в сенях, а более низшего — в комнате. В застольном разговоре принято было взаимно величать друг друга «государем», «благодетелем», «кормильцем» , причем сполна выговаривать имя и отчество собеседника, а себя называть уменьшительным именем, прибавляя такие выражения: «прости моему окаянству», «дозволь моей худости », « кланяюсь земно тебе, государю моему» и прочие. «Хороший» хозяин, желающий на славу угостить приятеля, вливал ему в рот вино чуть ли не силой. Напрасно гость, отнекиваясь, истово приговаривал: «Вижу, что много у тебя пива крепкого, меду сладкого, вина доброго, да ведь всего не выпьешь...» А хозяин свое твердит: «У себя живи как хочешь, а в гостях как велят!» Только тогда угощение считалось законченным, когда у хозяина и гостя уже не хватало сил подносить чарки ко рту. Хмельные забавы нижегородцев в кабаках и дома мало беспокоили государственную власть, видевшую щводочном доходе средство для пополнения казны.

13. Церковь и нравственность.

Церковь была столпом и опорой власти, средством ее воздействия на психологию, чувства и мысли населения. В 1636 году девять нижегородских попов, настоятелей приходов, писали патриарху Иоасафу I о творящихся, по их мнению, «беспорядках» в местной жизни: «...в храмах наших нижегородских, государь святейший архипастырь, зело поскору пение происходит и не по правилам святых отец... говорят голосов в пять, и шесть, и более (сразу) со всяким небрежением, поскору...

Православные христиане, иже суть мирские люди, стоят в храмах божиих с бесстрашием и со всяким небрежением и во время святого пения беседы творят неподобные со смехотворением... Да пономари, государь, по церквам молодые без жен, да такоже многие по многим церквам поповы дети во время святые службы в олтарях бесчинствуют...» Одновременно попы жаловались на малое посещение паствой праздничных богослужений. Спустя некоторое время нижегородский воевода князь Петр Долгоруков получил царский указ: «Ведомо нам учинилось, что в Нижнем Новгороде и в других городах и уездах мирских всяких чинов люди, и жены их, и дети их в воскресенье и господские дни к церквам божиим не ходят... И как к тебе ся наша грамота придет, велел бы ее не поединожды вслух по церквам и торжкам пронести и приказать, чтоб в городе, и в слободах, и в Нижегородском уезде всяких чинов люди, и жены их, и дети в воскресные дни и господские праздники к церквам божиим к пенью приходили и в церкви божией стояли смирно, меж себя никаких речей не говорили и слушали б церковное пение со страхом божием и со всяким благочестием внимательно...»

14. Борьба на Нижнем посаде с «неблагозвучными словами»

Указ «о благочинии в церквах» оказался началом правительственной заботы о «нравственности» нижегородцев. Следующее царское распоряжение касалось «неблагозвучных слов», частенько раздававшихся в торговых рядах Нижнего посада. Указ царя Алексея Михайловича осуждал «неблагозвучные» выражения и предписывал местным воеводам следить, чтобы на сходбищах не допускалась громкая ругань. Во исполнение указа переодетые стрельцы с батогами бродили на площадях среди толп народа и, заметив людей, употреблявших «срамные слова», обрушивали батоги на спину провинившегося. Это средство, однако, не искоренило брани, так как сами стрельцы в пылу служебного усердия не могли удержаться от произнесения «недозволенных» слов. После стрелецких расправ на площадях и пошло выражение «площадные слова».

15. Указ царя о разделении торговых бань на мужские и женские

Немалый переполох в нижегородских посадских кругах вызвал царский указ, полученный в конце 1646 года: «...от царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Нижний Новгород стольнику и воеводе нашему Даниле Ивановичу Лодыгину да дьяку нашему Глебу Патрикееву. Ведомо нам, великому государю, учинилось, что в Нижнем Новгороде в торговых банях парятца всякие люди мужики и жонки вместе и так делают как бы забыв страшный суд божий, и друг друга в телесном обнажении не стыдясь и родственного присвоения не берегучи; а на Москве и иных городах мужики и жонки парятца в особых банях, а не вместе. А в Нижнем Новгороде торговые три бани и можно в двух банях паритца жонкам... И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Нижнем Нове-городе в торговых двух банях велели паритца мужикам, а в третьей бане паритца жонкам»

16. Борьба с немецким платьем и куреньем

Не нравилась правительству тяга некоторых «вольнодумных» служилых людей к немецкому платью и польской стрижке волос. «...Стольникам, и стряпчим, и жильцам, и московским и городовым дворянам указал великий государь свой государев указ сказать, чтобы они иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземных образцов не носили и людям своим потомуж носить не велели. А будет кто впредь учнет волосы подстригать и платье носить с иноземного образца или такое же платье объявится на людях их: и тем от великого государя быть в опале, и из вышних чинов написаны будут в нижние чины...»

Особую тревогу возбуждало у государственной власти появившееся еще в XVI веке и распространявшееся в начале XVII куренье или, по-тогдашнему, «питье» табаку. В 1633 году патриарх всенародно «проклял» заморское зелье, а в следующем году последовал указ царя Михаила Федоровича: «.. .великий государь указал на Москве и в городах о табаке заказ (запрет) учинить крепкой под смертной казнью, чтоб нигде русские люди и иноземцы всякие табаку у себя не держали и не пили и табаком не торговали. А кто русские люди и иноземцы табак учнут держати или пити или табаком учнут торговати... и тем людям чинить наказание большое без пощады, а дворы их и животы имая продавати и деньги имати в государеву казну». Указ повторен в Уложении 1649 года, йричем увеличено наказание: «пороть носы», «резать ноздри и ссылать в Сибирь».

17. Борьба с народным весельем, как действием «нечестивым» и «бесовским»

В резкую, непримиримую форму облекла государственная власть борьбу подчас против совершенно невинных народных забав и развлечений. Многочисленные запреты действовали по согласию с иерархами церкви со ссылками... на Священное Писание. Считалось, что мирская музыка, пение, танцы — действия «нечестивые», «бесовские». Нижегородцы испокон веку любили веселье. Всякий

церковный праздник (бывший и днем отдохновения от труда) начинался длинным «богослужением», заканчивался в домах, на улицах, на полях и лужайках, в городе и деревне народным весельем, массовыми играми молодежи, пением, хороводами, плясками под музыку свирелей, балалаек, домр. Увеселения разнообразились в зависимости от времен года. В «светлую неделю» катали крашеные яйца, подкидывали друг друга на досках, взвивались на релях (качелях), сшибали лодыги (козны), вбивали в железное кольцо свайку (гвоздь).

В мае дружно «встречали весну», завивая березки парами, сплетая из цветов венки и «кумясь» с подружкой поцелуем через венок. Под Иванов день (24 июня) вереницею ходили в луга для « встречи лета», прыгали через костры и возвращались домой, свистя в самодельные из липовых побегов дудки. Осенью справляли пору «изобилия плодов земных», лакомясь лесными ягодами, яблоками, орехами, стручками дикого горошка. Особенно весело проводила молодежь зимние святки (две недели между Рождеством и Крещеньем). Девушки и парни ходили «ряжеными» по улицам, надевали «хари» (маски), пели «колядки» (праздничные вирши, исполняемые нараспев).

18. Скоморохи - бахари, потешники, смехотворцы, глумцы, шуты, шпыни

Во все времена года любили нижегородцы уличные представления бродячих актеров-скоморохов. Скоморохи, по-иному веселые люди, бахари, потешники, смехотворцы, глумцы, шуты, шпыни, — типичное явление для России XVII века. Людей, профессией которых было увеселять других, в нижегородской «Писцовой книге» перечисляется до десяти: «...от Пятницкого ручья вверх к ц. Пятницы, в горе... избенка Ондрюшки-скомороха, на церковной земле, сказали беден; избенка Артюшки-веселого; избенка веселого Сережки Девятого на церковной же земле». «У Пятницы же на монастырской земле дворишко веселого Смирки Иванова», «В Егорьевской стороне, по берегу реки, вверх к новому острогу изба стрельца Захарки-скомороха, место не тяглое». Были еще в Нижнем «Арсюшка Тимофеев скоморох с сыном», прибывшие из Смоленска («а из Смоленска сошли в разорение...» да «Лаврентейка прозвищем Десятка Сергеев сын, волыношник, веселый; в распросе сказался родиной Ржевы Володимировой и отец-де его тоже был скоморох». Ютились где-то в «подсоседниках» еще Петька гудец-свирельник, Мартьянка-домрачей и скоморох из крепостных людей князя Дмитрия Пожарского Федька Степанов сын Чечетка.

Скоморохи обычно составляли ватагу в 15—20 человек и странствовали месяцев 7—8 в году, переходя из города в город, из села в село. Одни играли на гуслях, домрах, сурнах (трубы), гудках (ящик с натянутыми струнами), били в накры (род литавр) и барабаны; другие плясали; третьи показывали ученых медведей и собак (дрессировали животных в южных селах Низовского края). Среди ватаги обычно были еще шутники-потешники, умевшие говорить складно всякие прибаутки; метальники (жонглеры), лицедеи (актеры), которые, надев на себя «личины», обыкновенно уродливые и смешные, разыгрывали придуманные ими «действа»... Были и такие, что носили на голове доску с движущимися куклами; такие искусники обвертывали вокруг пояса кусок полотна в виде юбки, поднимали материю вверх над головой, так что лица не было видно, и приводили кукол в движение , приговаривая за них на разные голоса.

19. Запреты на народные забавы царя Алексея Михайловича

Эти невинные народные забавы и развлечения сделались предметом яростного гонения со вступлением на трон царя-святоши Алексея Михайловича. Шестнадцатилетний самодержец начал с того, что сыграл свою собственную свадьбу, вопреки русскому обычаю, без веселья и музыки. Этим он хотел показать «пример» подданным. Во второй год царствования царь обнародовал указ, запрещавший музыку, пляску, пение где бы то ни было, когда бы то ни было и по какому бы то ни было поводу. На третий год им были запрещены повсеместная игра в карты, тавлеи (шашки) и шахматы, рассказывание сказок и загадывание загадок на вечеринках и посиделках, сбор грибов, орехов, ягод в воскресные и праздничные дни. Православная церковь, со своей стороны, начала борьбу с «пережитками язычества», усматривая в хороводах древнее ритмическое хождение славян вокруг идолов, в прыганье через костер — языческое очищение огнем от грехов, в святочном колядовании — языческие заклинания. Пресловутый, совместный царя и патриарха, указ 1648 года добавляет к прежним бытовым запретам новые: «...скоморохам по градам и селам не ходить... медведям, козам и сучкам не скакать и не плясать... людям всех чинов на молодой месяц не смотреть, в гром не купаться, по домам с серебра не умываться, олова и воску не лить, косматых шкур с рогами на себя не напяливать, на сборищах в ладони не бить... а которые люди от такого безчиния не отстанут и учнут впредь таких богомерзких дел держаться, и тем людям велено делать наказание — бить батоги; а которые люди от того не отстанут и объявятся в такой вине в третье и в четвертое, и тех велено ссылать в дальние городы за опалу». Несколько лет действовал указ 1648 года. Но у повелителя «всея Руси» не оказалось достаточно могущества, чтобы заставить народ отказаться от веселья.

20. О Рыбном переулке близ берега реки в соседстве с устьем Почайны

Среди данных «Писцовой книги» 1621 года в перечне нижегородских посадских жителей попадаются «лучшие люди», которые торгуют «большими свалными товарами и на низ и вверх ходят судами и которые промышляют всякими товарами помногу...». Эти нижегородские предприниматели ворочали сотнями и даже тысячами рублей. В 1621—1622 годах из 246 городских лавок насчитывалось около четверти (58) рыбных. Располагались они близ берега реки в соседстве с устьем Почайны. Прорези и садки с живой рыбой тянулись цепью по бечевнику на протяжении полуверсты. Сухая и соленая рыба хранилась в лавках и амбарах торговцев, а также на складах монастырей. Рыбный товар был с местных «исадов» (рыбных ловель), наиболее крупные из которых находились на Стрелице, у Козина, под Новой — по Волге и на Оке — у сел Дуденева, Горбатова и деревни Низковой. Предметом крупных, оптовых оборотов была рыба привозная, «низовая», с астраханских ловель. Крупнейшими нижегородскими рыботорговцами были гость Григорий Никитников, купец гостиной сотни Семен Задорин и посадский «лутчий» человек Антип Клементьев. О размерах рыбного привоза из Астрахани в Нижний можно судить по сохранившемуся документу того времени: «”...в 144 году (1636) вышло из Астрахани в Нижний Новгород у торговых людей в осеннем караване (т. е. только часть годового привоза) в семи стругах астраханской рыбы по 39 тысяч пудов... А в прошлом в 143 году вышло из Астрахани в Новгород Нижний у гостя Григория Никитникова и у торговых людей в осеннем и весеннем караванах астраханские учюжные рыбы в пятнадцати стругах всякой рыбы со 100 000 пудов...»

Упоминается неоднократно в документах и фамилия нижегородских рыбных купцов Задориных. До 171 года (1663) Семен Задорин и сын его Афанасий Задорин брали на откуп в нижнем течении Волги «Саратовские, Самарские, Чирлятовские и Курдюмские воды». А откупу им, Задориным — Семену да Афанасию, ведено платить с тех вод «по сту рублев по семнадцати алтын, по 3 у деньги да по пяти пудов по тринадцати гривенок (фунтов) с четвертью икры зернистой».

21. Торговля солью. Рыбники Григорий Никитников и Семен Задорин. Строгановы.

Солью торговали в Низовском крае несколько крупных промышленников. Рыбники Григорий Никитников и Семен Задорин разрабатывали астраханскую соль. В 1635 году такой соли доставлено в Нижний 400 000 пудов.

В еще большем количестве прибывала соль с Камы из Пермской области, где она добывалась богачами-солепромышленниками — «именитыми людьми» Строгановыми. Из «Писцовой книги» 1621 года видно, что в Новгороде Нижнем производили значительные обороты Максим, Никита, Петр и Андрей — сыновья знаменитых при Иване IV именитых торговых людей — Якова, Григория и Семена Строгановых. Ими на вместительных «лодиях» (беспалубная барка) ежегодно привозилось соли до миллиона пудов. Насколько велики были коммерческие операции Строгановых, видно из описи количества соли и денег, которые взяты со Строгановых в 1615 году по требованию правительства на жалование служилым людям: «...в Нижнем у прикащиков Никиты Строганова, Кайбыша Карамышева продано соли на 10 765 рублей, у Дорошки Исакиева соли на 824 рубля, у Юшки Ларионова соли на 653 рубля, у Максима Строганова — соли на 2221 рубль, у Андрея и Петра Строгановых соли на 5260 рублей...» Из этих денег было взято государством (заимообразно) 13 810 рублей (сумма примерно равная общему капиталу всех остальных нижегородцев).

22. Адам Олеарий. Первые верфи в Нижнем были построены напротив современных Красных казарм (на территории квартала Миллионки)

Из иностранных путешественников долее всех пробыл в Нижнем Новгороде саксонский историк и географ Элыилегер. Адам Олеарий (литературное имя Элынлегера) находился в составе голштинского посольства Бругемана и Краузе, получивших разрешение от Михаила Федоровича проехать через русскую территорию в Персию. Будучи секретарем полугеографической, полуполитической экспедиции, Олеарий систематически вел путевой журнал и зарисовывал карандашом людей, пейзажи и жилые дома. У себя на родине в 1647 году издал объемистое «Описание путешествия в Московию». Несколько страниц книги уделил своему пребыванию в «городке на устье Оки».

Несмотря на холодок, сквозящий во всех высказываниях ученого немца по адресу «московитов», все же он не мог не отметить за время своего проживания в Нижнем (с 11 по 30 июля 1636 года) и кое-что лестное для местных жителей. Олеарий сообщает, что нижегородцы вежливо и радушно его встретили, воевода (В.П. Шереметев) вел «разумные» (!) разговоры. Балахнинские плотники прекрасно выстроили для посольства морской корабль — судно, никогда не виданное на Волге. Поразило Олеария местное лакомство — медовые пряники, искусно выпекаемые жителями села Городца на Волге.

Как правило, проезд иностранцев через Нижний Новгород совершался весной или летом, в период высокой воды. Исключения бывали весьма редко. Тот же Адам Олеарий на своем обратном пути из Персии в 1639

году прибыл в Нижний на исходе декабря. Знатный путешественник справлял вместе с нижегородцами религиозный праздник Рождество. В дневнике голштинца сохранились любопытные записи вроде следующих: мороз был такой, что горсть воды, брошенная в воздух, замерзала раньше, чем падала на землю, а некоторых людей приходилось вынимать из саней в виде замороженных статуй и затем оттаивать в теплой горнице. Русская зима оказалась слишком суровой для заезжих гостей...

P.S. Из статьи Я.И.Бойченко «Вклад немцев-лютеран в культуру Нижегородского края», (http://www.gorbibl.nnov.ru/luterane):

Интереснейшие сведения о Нижнем Новгороде - "городке в устье Оки" и лютеранах, в нём проживающих, оставил Адам Олеарий (1603-1671) - известный математик, физик, ориенталист, лучший знаток персидского языка в Европе, один из лучших немецких прозаиков своего времени. Олеарий выполнил первые известные нам ясные изображения облика старого Нижнего Новгорода.[8] А в 1647 году издал объемистое сочинение "Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно", которое имело бешеный успех в Европе.[9] В этом сочинении Олеарий подробно передаёт свои огромные впечатления от посещения Нижнего Новгорода. От царя Михаила Федоровича было получено разрешение для дальнейшего путешествия голштинского посольства, в составе которого был Олеарий, построить военный корабль "Фридрих". В начале 1635 года на верфях Нижнего, располагавшихся неподалеку от Немецкой слободы, началась работа нижегородских и балахнинских корабелов под надзором семи голштинцев. Верфи были расположены напротив нынешних Красных казарм.[10] Парусный корабль был построен с помощью русских плотников из Балахны из сосновых досок. Это был первый русский военный корабль, 36 метров в длину и 12 метров в ширину. Когда он появился в Астрахани, это произвело настоящую сенсацию.[11] С 11 по 30 июля 1636 года Олеарий пробыл в Нижнем Новгороде, где строился корабль "Фридрих" для продолжения путешествия в Персию. Называя Нижний Новгород в числе знатнейших российских городов, Олеарий сообщает о том, что в нем живут "русские, татары и немцы". Нижегородский краевед Н. Храмцовский в своей книге "История и описание Нижнего Новгорода" пишет, что по свидетельству Олеария община лютеран насчитывала около 100 человек. Сам Олеарий в 1636 году, в день Пасхи, "приобщился здесь Святых Таинств", и что "пастор нижегородский провожал его по Волге".[12] На возвратном пути из Персии состоялось второе посещение Нижнего Новгорода голштинскими послами. 21 декабря 1638 года, в канун Рождества Христова, послы "въехали в Нижний". Разместиться им пришлось в доме Ганса Бернгарда. "Здесь мы ...застали самую крайнюю на востоке лютеранскую церковь, которая, как нам сказали, стояла здесь уже 58 лет" (с 1580 года. - Авт.). Прихожане очень просили гостей задержаться на пару дней, чтобы вместе провести праздник Рождества, а кроме того, получить Святое Причастие у пастора, путешествовавшего вместе с делегацией послов. Но спешка заставила гостей уехать 23-го числа, а Рождество путешественники встретили в деревне Юрино, в 50 верстах от Нижнего.[13]

23. Новый календарь. Чтение Указа Петра На Нижнем базаре

Первое, что на рубеже столетий сильно затронуло верования и традиции нижегородцев, была реформа календаря. В XVII столетии русская хронология вела счет лет «от сотворения мира». Одним из наиболее важных дней в году считался первый день сентября: начинался новый год, или, по-старинному, новолетие. Кончались полевые работы, уплачивались годовые оброки, дани и пошлины, завершались договоры и сделки между всякими посадскими, торговыми и сельскими людьми.

1 сентября, называвшееся также днем Семена-летопроводца отмечалось в Нижнем Новгороде торжественной религиозной церемонией — молебном на лучшей в городе Благовещенской площади. Пушкарям и затинщикам на кремлевских стенах поручалось, удалив из орудийных дул накопившийся сор, произвести «со всякою опаскою и бережением» праздничные выстрелы. Многие из зажиточных нижегородцев в конце XVII века еще соблюдали приурочиваемый к 1 сентября обряд «сажания на коня и пострига» сына-первенца. Вся семья участвовала в этой церемонии. «Кум» и «кума» выводили семилетнего «крестника» на двор, где отец дожидался с объезженным конем, на которого и сажал первенца. Кум водил коня под уздцы, а отец придерживал сына рукою. Выстриженные на темени мальчика волосы передавались матери, зашивавшей их в ладанку.

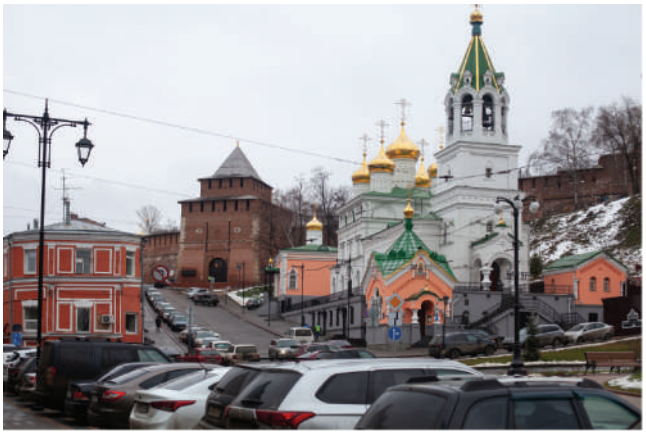
Как и всегда, торжественно отпраздновали нижегородцы очередной «от сотворения мира» 7208-й год. Осень прошла в полном спокойствии, но зима принесла с собою неожиданный сюрприз. 15 декабря пронеслась по городу тревожная весть: прибыли из Москвы царевы посланцы с удивительным указом. Прибежавшие на Торговую площадь Нижнего базара люди окружили бирючей, читавших вслух бумагу с печатью: «Великий государь царь и вел. князь Петр Алексеевич указал объявить всем. Ведомо ему, государю, учинилось, что не только во многих европейских странах, но и в народах славянских, как-то Валахи, Молдавы, Сербы, Долматы и Болгары, года исчисляют

Продолжение методических материалов на странице 24.

Презентация к открытому уроку «Богатство Миллионки»

К.Маковский. «Воззвание Минина»

За 300 лет до появления обитателей Миллионки, показанных в пьесе «На дне» (1902 г.), территория Нижнего базара послужила местом силы, подвигнувшей Минина и нижегородцев собрать ополчение на спасение России в 1612 году, а К. Маковского — в 1896 г. написать знаменитую картину «Воззвание Минина к нижегородцам». Память о том подвиге — в памятнике на пл. Народного единства (2005 г.). Вот такая Миллионка на Волге. Быт бытом, а нравы у нижегородцев крутые.



Современный вид площади

Первое изображение панорамы Нижнего Новгорода

Адам Олеарий. Нижний Новгород. 1836г

Самым первым наш город изобразил Адам Олеарий (1603-1673) – немецкий ученый, энциклопедист, историк, географ и путешественник.

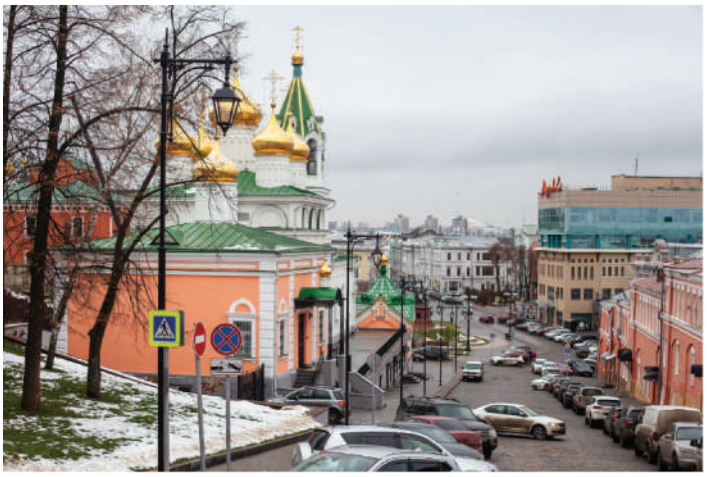
Как секретарь голштинского посольства, ученый трижды побывал в России в составе дипломатических миссий: посольства в Москву в 1633-1633 гг., посольства в Москву и Персию в 1635-1639 гг., а также 1643 г. Книга Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», изданная на родине писателя в 1647 г., была самым известным сочинением о России в XVII веке.

Рисунок корабля «Фридрих» неизвестного автора найден в сети Интернет.

От царя Михаила Федоровича для дальнейшего путешествия голштинского посольства, в составе которого был Олеарий, было получено разрешение построить военный корабль "Фридрих". В начале 1635 года на верфях Нижнего, располагавшихся неподалеку от Немецкой слободы, началась работа нижегородских и балахнинских корабелов под надзором семи голштинцев. Верфи были расположены напротив нынешних Красных казарм. Парусный корабль был построен с помощью русских плотников из Балахны из сосновых досок. Это был первый русский военный корабль, 36 метров в длину и 12 метров в ширину. Когда он появился в Астрахани, это произвело настоящую сенсацию.

Ивановский съезд

Фото М.П. Дмитриева



Современный вид съезда

До появления Зеленского съезда нижегородцы, чтобы спуститься в нижнюю часть города, пользовались Ивановским съездом, получившим свое название от Ивановской башни кремля, через которую он выходил на Нижний посад и улицу Рождественскую. Этот съезд, начинаясь у Дмитриевской башни, насквозь пересекает кремль, поэтому он имел второе название - Кремлевский, и именно так именовал его Храмцовский в середине XIX в. Сейчас съезд стал пешеходным: по нему можно подняться на площадь Минина с Рождественской улицы за 15-20 минут.

Съезд ниже Ивановской башни кремля со стороны обрыва к Волге с давних времен укрепляли дерево-земляными обрубами. Но они, подгнивая, часто осыпались, угрожая разрушением стоящим внизу на Живоносновской улице домам. В 1867 г. купец 1-й гильдии Ф. Н. Гущин предложил городу решить эту проблему - возвести за свой счет вдоль всего Ивановского спуска с поворотом на Живоносновскую улицу систему каменных лабазов со складскими помещениями внизу и жилыми верхними этажами. В 1871 году лабазы были построены по проекту Н.И. Ужумедского-Грицевича — это дома № 3 и № 5 по Ивановскому съезду, занимающие чрезвычайно важное место в градостроительном отношении.

Церковь Николая Чудотворца

Церковь Николая Чудотворца
Фото М.П. Дмитриева

Церковь Николая Чудотворца в камне была построена в 1863 году. Разобрана в 1929 году на материал для строительства Дома Советов в Кремле.

На месте церкви был построен «Дом моделей» (1970г). Теперь это ТЦ «Муравей»

Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Кремлевский фуникулер и Гостиный двор

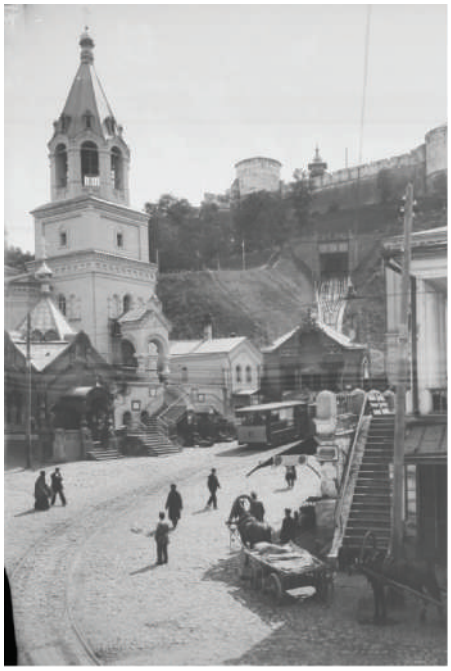
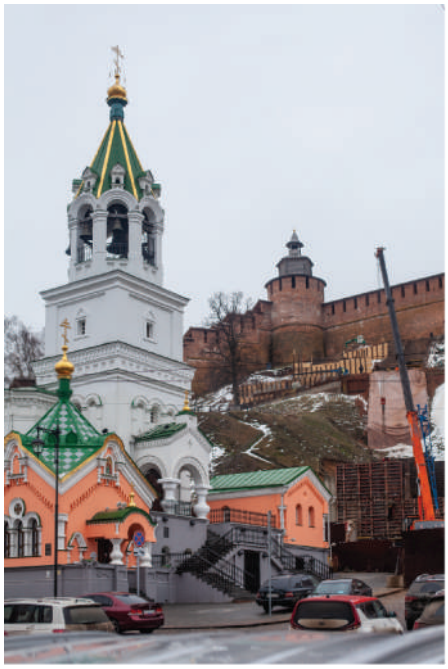


Фото М.П. Дмитриева (после 1896г)



Современный вид

Церковь Рождества Иоанна Предтечи — один из древнейших православных храмов Нижнего Новгорода, упоминаемый с XV века. Каменный храм освящён в 1683 году, повторно — 4 ноября 2005 года.

Кремлёвский и Похвалинский фуникулеры в Нижнем Новгороде были построены вместе с трамвайными путями в 1896 году к открытию Всероссийской промышленной и художественной выставки и просуществовали до 1927 года. Линия Кремлёвского элеватора длиной 133,12 метра проходила от подножия церкви Иоанна Предтечи до станции внутри Кремля возле Часовой башни.

Фуникулер состоял из двух вагонов на верхней и нижней станциях. В каждом вагоне было две каюты со стоячими и сидячими местами. Частично линия проходила под землёй в тоннеле, так как Кремль расположен на горе.

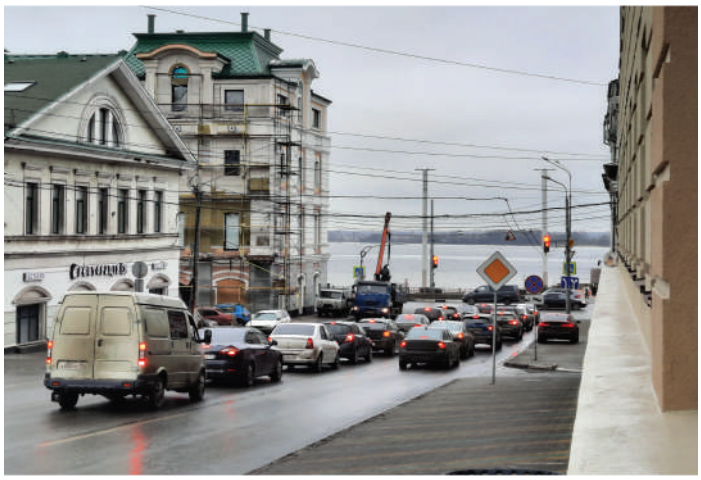
В настоящее время идет восстановление Кремлевского фуникулера. Запустить его как новый туристический объект планируется летом 2022 года.

Улица Широкая. Устье Почайны

Фото улицы Широкой, 1900-е годы

Художник через 7 лет после постановки и триумфального шествия пьесы «На дне» показал ул. Широкую, выходящую к Волге. Основная часть зданий сохранилась и сегодня. По количеству повозок и рекламных вывесок видно, что жизнь бурлит, несмотря на зиму. Лучшие магазины, склады, река рядом, базар рядом—всё привлекает людей разных сословий и званий. Основная часть зданий сохранилась и сегодня, но есть и утраты... А вместо повозок – бесконечный поток машин на той же улице Широкой.

Нижний Новгород зимой. 1909 г. Константин Юон



Современный вид улицы Широкой

Петр Верещагин. Рынок в Нижнем Новгороде. 1867 год.

Обилие людей. Рынок. Для обитателей Миллионки, а улица Живоносновская прямо перед нами, простор действий. И для грузчика, и для вора или сутенёра. Торговый павильон, что перед вами, через три года приобретёт современный облик, а на его втором этаже разместится Рождественская полицейская часть. В одном из этих зданий в 1838 г. на ночлег разместился маркиз де Кюстин, который в своей книге «Россия в 1839 году» во всей красе описал нравы и местное гостеприимство.

Храм Иоанна Предтечи построен в 1683 году. В советское время использовался под клуб ДОСААФ. Воссоздан в 2005 году. Восточный корпус гостиного двора (арх. Я. А. Ананьин, 1784 г.) разобран в 1928 г.

Петр Верещагин. Нижний базар в Нижнем Новгороде. 1863 год. Гостиный двор в Нижнем Новгороде. 1857 год

Художник запечатлел площадь перед храмом Иоанна Предтечи в самый разгар торговли. Многолюдный и шумный торг собрал публику всех мастей и сословий: купцы, мелкие торговцы, горожане, крестьяне, зеваки, городская беднота и нищие вовлечены в водоворот купли-продажи и обмена. Как и положено базарной площади – всюду лавки, палатки, склады. Бессмертны пушкинские строки: «Всяк суетится, лжёт за двух, и всюду меркантильный дух».

П.П. Верещагин. Гостиный двор в Нижнем Новгороде. 1857 г.
Холст, масло. Литературный музей А.М. Горького. Нижний Новгород.

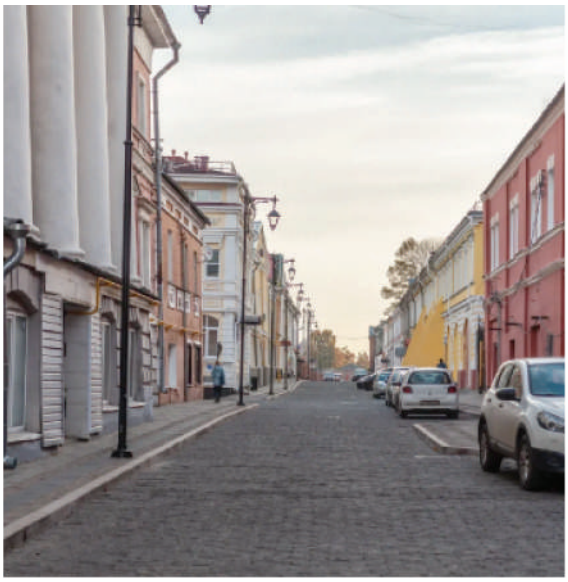
Гостеприимная набережная Волги

Пиво, портер и мёд жители города и приезжие гости могли отведать в расположившихся на набережной пивных лавочках. Город не зря славился своим пивом на всю империю. Костяк нижегородских пивоваров в конце XIX — начале XX в. составляли три крупных пивоваренных завода: завод наследницы Д. Н. Бабушкина — Евдокии Дмитриевны Гориновой, пивоварня бр.Калашниковых, и, наконец, ведущим пивзаводом в городе и губернии был Ново-Лысковский пивоваренный завод А. Ф. Ермолаева.

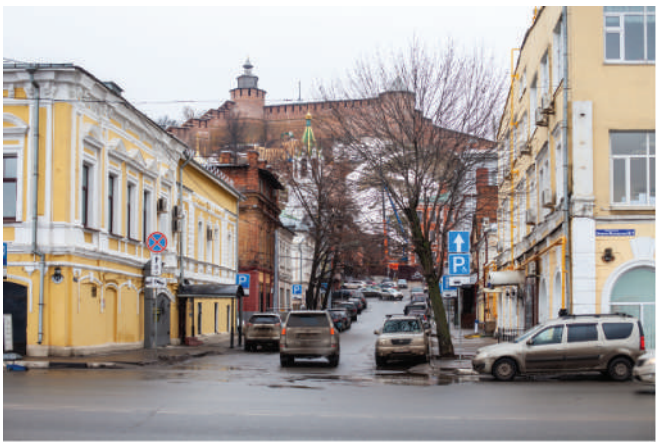
Дом Переплетчикова. Архитектор Г. Кизеветтер. 1839 год. Чайная «Столбы» в доме Д.В.Сироткина в 1902 — 1904 гг.

«...Я открываю здесь, на Миллионной улице, клуб босяков, устроенный по моей инициативе хорошим человеком Д.В. Сироткиным. Славное будет дельце, дяденька!» — сообщал в ноябре 1901 года из Нижнего Новгорода А.М. Горький книгоиздателю К. П. Пятницкому в Петербург. Плакат на входе в чайную гласил: «Спирт есть такой же яд, как мышьяк, как белена, как опий и как множество других веществ, убивающих человека. Когда народ пожелает, он сумеет довести дело до того, что водку будут брать только по рецептам докторов из аптек. Тогда у нас будет больше света и больше счастья».

Кожевенная сегодня



Кожевенный переулок.
Ренсковый погреб в Ивановском переулке.



Винные погреба стали первыми специализированными питейными заведениями, в которых торговля разрешалась только конкретными видами алкогольных напитков – виноградными винами и вейновыми водками импортного производства. В XVIII веке винные погреба стали именоваться на иностранный манер — ренсковые, это название сохранилось до XX века. Один из таких погребов располагался в нынешнем Кожевенном переулке.

«Обжорный» ряд на Миллионке

«Московская обжорка»
Владимир Маковский, 1875 г. Так было и на «Миллионке»

Так было и на Миллионке. На улице Верхней Живоносновской (ныне Кожевенной) между гостиницей Фролова, известной более под названием «полицеймейстерских номеров» и Посадским рынком находился Обжорный ряд, в котором по веснам бурлаками и прочим рабочим народом выпивается необъятное количество квасу и съедаются тысячи пудов солонины, печенки, голов говяжьих, сушеного судака и прочего, и прочего. Обжорные ряды — это кухни-однодневки под открытым небом.

Двор между домоми 16 и 18 по ул. Кожевенной. Здесь был Обжорный ряд.

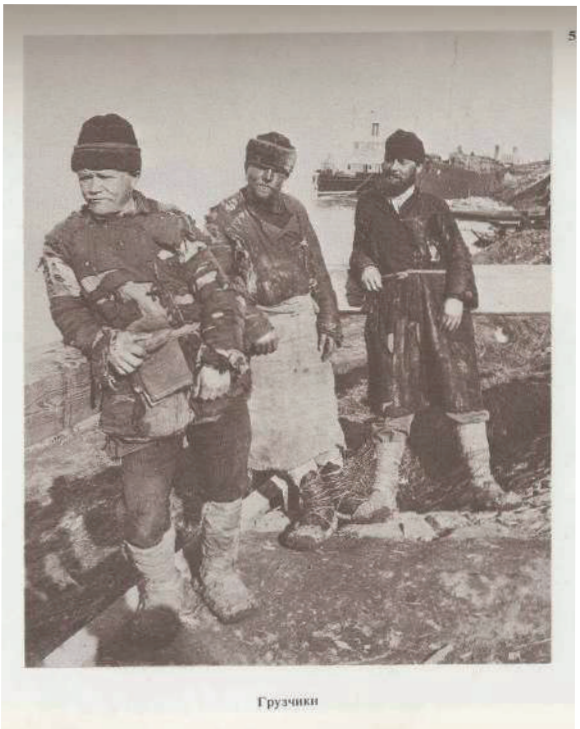


Фото М.П. Дмитриева по заказу М. Горького

Рыбный переулок

Рыбным переулок назван так, поскольку здесь располагались в древности рыбные садки (в том числе патриарха и Нижегородского митрополита), Свежерыбный и Соленорыбный ряды Нижнепосадского торга. Рыбная государственная контора Камер-коллегии. После пожара 1819 года, в ходе последовавших градостроительных преобразований этой части города по проекту А.А. Бетанкура, они были ликвидированы. Под кремлем впервые разбивались кварталы регулярной застройки. Название Рыбный за переулком закрепилось лишь при конфирмации очередного плана развития Нижнего Новгорода в 1839 году.

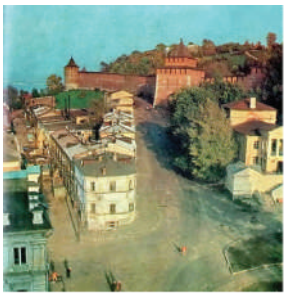
Фото М.П. Дмитриева

Доходный дом нижегородского полицмейстера А.Е. Махотина — Доходный дом купцов Фроловых. Архитектор И.Е. Ефимов. 1825 год.

Астольф де Кюстин

Улица Верхняя Живоносновская (ныне Кожевенная)

В 1839 г. в нумерах доходного дома героя Отечественной войны 1812 года полицмейстера Ивана Ефимовича Махотина останавливался французский
писатель маркиз Астольф де Кюстин, решивший посмотреть на Нижегородскую ярмарку. Француз снял здесь помещение для проживания по цене дорогого отеля в Париже. Его поразило обилие тараканов. Вернувшись в номер, маркиз обнаружил такую картину: «Кровать моя, набитая якобы свежим сеном, стояла посреди зала, все четыре ее ножки были поставлены в
миски с водою, и я всю ночь провел при свете».
Дом к середине XIX века был продан и стал доходным домом купцов Фроловых. По-видимому, санитарное состояние гостиницы улучшилось, потому что позднее она предпочитается приезжающим купечеством более прочих нижегородских гостиниц.



«Скоба» и улица Кожевенная, 60-е годы XX века

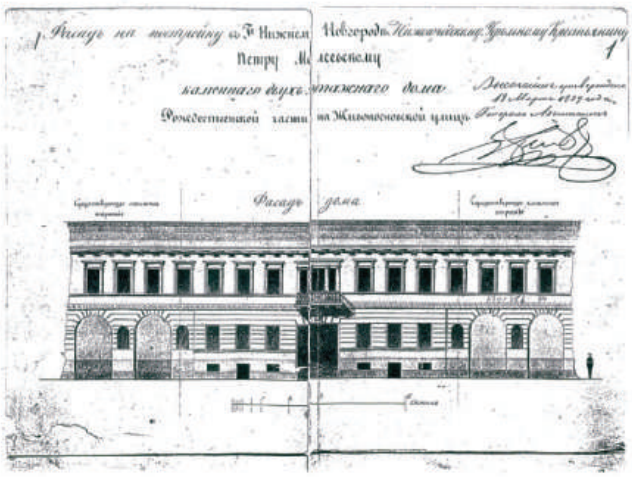
Кожевенная, 16. Современный вид

ул. Кожевенная, 12. Дом крестьянина Малеевского

Дом Малеевского в Нижнем Новгороде - это старинное двухэтажное здание является объектом культурного наследия регионального значения и находится под охраной государства. Дом был построен в 1839-1840 годах по проекту городского архитектора Г, И.Кизеветтера. Хозяином дома - купец Павел Малеевский, из крепостных крестьян, - проживал в этом доме со своей многочисленной семьей на втором этаже, а на первом этаже находились торговые и складские помещения.

Современный вид этого дома ул. Кожевенная 12

Фасад на постройку каменного дома Петру Малеевскому высочайше утвержден 18 марта 1839 года



Кожевенная, 12.
Дом Крестьянина Малеевского

Кожевенная, 10. Демонстрационный зал «Ночлежная квартира»

В помещении, где до 1917 года располагалась ночлежка, а подобных ночлежных домов в квартале Миллионки было девять, с 2017 года силами благотворительного фонда «Земля Нижегородская» оборудовано новое музейное пространство — «Ночлежная квартира». Знаменитая пьеса Максима
Горького об обитателях ночлежного дома была написана в конце 1901 — начале 1902 года. Первоначальные названия — «Без солнца», «Ночлежка», «Дно», «На дне жизни». Известно, что Горький обратился с просьбой к фотографу Дмитриеву запечатлеть типы босяков для большей достоверности и создания реалистичных образов героев актерами театра. На одном из таких снимков Максим Горький сделал записи и крестом обозначил босяка, послужившего прототипом Барона.

Казарменный переулок. Народная столовая

На этом месте, у Красных казарм, до революции находилась народная столовая и чайная для жителей Миллионки. В 1905 году было продано 24 149 порций чая с тремя кусками сахара за 3 копейки за порцию и 459 порций черного хлеба по 2 копейки за порцию.

Красные казармы. Стрелецкая слобода

Фото М.П. Дмитриева (Кремлевская стена, Церковь живоностного источника и Красные казармы)

Вид на Красные казармы от памятника Чкалову

Внутри города в разных местах располагались в XVII веке жилые слободки ратных людей «государевой приборной службы» — стрельцов. К скату горы под Борисоглебской башнею прижималась стрелецкая слободка, носившая название Подвигаловой. Служба стрельцов считалась пожизненной, отставку получали только инвалиды и глубокие старики; до середины XVII столетия она была также наследственной. Жалования стрельцам давалось по три рубля в год деньгами и по шесть четвертей ржи и овса. Позволялось «прирабатывать» к казенному жалованию, торгуя мелкими изделиями собственного «рукомесла». В «Писцовой» то и дело встречается: стрелец-гончар, стрелец-калачник, стрелец-обручник и т. д. На месте Стрелецкой слободы в в 1835—1853 годах по проекту архитектора эпохи позднего классицизма И. Е. Ефимова были построены Красные казармы.

Памятник Петру I установлен в 2014 году (сскульптор Алексей Щитов).

Вид на Белую башню с ул. Кожевенной

Зачатьевская башня восстановлена в 2013 году.

после праздника Рождества в седьмой день спустя, т. е. с генваря 1-го числа».

Далее давалось и некоторое объяснение нового летосчисления: «Того ради указывает великий государь впредь лета вычислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего генваря с 1 числа... А в знак того доброго начинания в Москве и по городам на домах и воротах учинить некоторое украшение от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых. Да января ж в 1-й день, в знак веселья, поздравлять друг друга с новым годом и столетним веком. По улицам в ночи с первого по седьмое число генваря огни зажигать из дров, хвороста или соломы».

Царский указ был принят жителями Нижнего Новгорода как посягательство на освященный древностью порядок. «Как наш государь мог переменить солнечное течение?» — говорили многие. Даже настоятель Михайло-Архангельского собора глубокомысленно изрек: «В переносе новолетия с Семена дня на Васильев день (праздновался 1 января) вижу всесовершенное благочестия ниспровержение».

24. Указ носить платье только Немецкое. Манекены у церкви Николы на торгу

В феврале 1700 года царские бирючи у воеводской избы в Нижнем вновь объявили народу царскую волю: «...всяких чинов людям, московским и городовым жителям и помещиковым крестьянам, которые живут в Москве для промыслу, кроме людей духовного чину и пашенных крестьян, — носить платье немецкое верхнее Саксонское и Французское, а исподнее, камзолы и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки немецкие же. И женскому полу всех чинов, а также попадьям, дьяконицам и стрелецким женам носить платье, бостроги, и юпки, и башмаки немецкие же. А Русского платья и Черкасских (казацких) кафтанов, и тулупов, и азямов, и штанов отнюдь никому не носить, и мастеровым не делать, и в рядах не торговать».

Это распоряжение поразило нижегородцев не столько неожиданностью, сколько своею категоричностью. Вопрос о необходимости изменения русского платья поднимался не однажды и ранее. Иностранцы, наблюдая русский быт второй половины XVII века, отмечали неудобство национальной одежды во многих отношениях. Она дорога и непрактична: длинные полы стесняют движения. Петр, насмотревшись за границей на короткие кафтаны, блузы и куртки, задумал радикально изменить отечественное одеяние. В ноябре 1699 года, на пиру в Грановитой палате, царь с ножницами в руках обходил столы и обрезал у присутствующих слишком длинные полы и рукава. Через несколько месяцев появился в провинции знаменитый указ.

Желая скорее популяризировать нововведение, правительство распорядилось поставить по городам, в том числе и в Нижнем Новгороде, на перекрестках улиц деревянные манекены — подобие человеческих фигур, — одетые по указанной форме. Это произвело еще больший «соблазн». Деревянные болванчики были приняты за «кумирских богов» (идолов), о которых нижегородцы слышали еще от дедов. Большие толпы собирались у церкви Николы на Торгу и близ воеводской избы в кремле (сгорела в начале XVIII столетия), где были выставлены «кумиры». Горячие головы высказывали предположение, что царь и бояре перешли в «басурманскую веру» и теперь всех заставят поклоняться идолам. Более трезвые и рассудительные, возражая против «немецкой» одежды, указывали на ее непригодность для русского климата. «Наша матушка-зима не потерпит кургузого кафтана». Поговорили, поговорили нижегородцы между собой да и решили... не исполнять царского распоряжения. Но не тут-то было! Через полгода пришла добавка к указу: «...буде кто после сего его, великого государя, указу станут носить русское платье и с тех людей в воротах (городских) целовальникам брать пошлину — с пеших по 15 алтын и две деньги (50 копеек), а с конных по два рубля». Положение для горожан становилось затруднительным, но и тут находились смельчаки, которые все-таки не расставались с привычной одеждой. С такими приказано было поступать круто: ставили среди улицы на колени и обрезали полы в уровень с землю. Это была казенная мера длины французских и саксонских кафтанов.

25. Реформы Петра I. Засилье новых слов и понятий. Перестройка присутственных мест. Здание Магистрата на Нижнем базаре.

Народное недовольство в стране, а также стратегические и финансовые соображения заставили Петра безотлагательно приступить сначала к областной, а затем к городовой и служебно управленческой реформам. Деление государства на уезды, характерное для Московской Руси, было отброшено. Единицей территории стала «губерния», разделенная на «провинции». На первых порах (в 1708 г.) появились четыре приграничные губернии: Азовская, Ингерманландская, Смоленская и Киевская. Пятая губерния, Казанская, в которую временно вошел Нижегородский уезд (с 1709 по 1714 г.), появилась вскоре после булавинского движения в Поволжье. К 1710 году общее число новоучрежденных губерний достигло восьми, а провинций — тридцати.

С начала 1714 года Нижегородская провинция получила права самостоятельной губернии. В губернию вошли города — Нижний Новгород, Арзамас, Балахна, Василь, Муром, Юрьевец-Поволжский, Гороховец, Алатырь, Курмыш и Ядрин. Городовая и служебно-управленческая реформы происходили одновременно.Вся структура центрального, областного и городского управления, все служебные места и должности были переделаны Петром по иностранным, главным образом прусскошведским образцам. Во главе губернии стоял губернатор. В его руках была сосредоточена не только гражданская, но и военная власть.

Нижегородцы тонули в океане новых слов и понятий. Исчезли из речевого обихода столетиями существовавшие и всем известные бояре, окольничьи, стольники, воеводы, московские жильцы и дети боярские. Появились непривычно звучавшие «губернатор», «вице-губернатор», «президент», «префект», «бургомистр», «ратман», «асессор», «аудитор», «инспектор» и даже совершенно неудобопроизносимый «лангевдинг» (должность, близкая к во- * Санкт-Петербургская, Архангельская, Московская, Казанская, Смоленская, Киевская, Азовская и Сибирская. еводе). Пришлось нижегородцам узнать о существовании нового начальства: «министров», «потентатов», «канцлеров», «камергеров», «герольдмейстеров», «рекетмейстеров», «полицмейстеров», «прокуроров». Эти важные «персоны» находились не в привычных русским людям приказах, думах, земских, губных, конских, кабацких и других избах, но в каких-то неизвестных «канцеляриях», «коллегиях», «герихтах», «конторах», «комиссиях», «сенате», «синоде».

В новых правительственных местах не писали, вершили, приговаривали, становили и решали, как полагалось раньше в русском государстве, но «трактовали», «апробовали», «баллотировали», «конфисковали», «кредитовали», «апеллировали»; отсылали в пакетах «рапорты», «акты», «ордеры», «проекты», «промемории», «инструкции». Услышали нижегородцы о таких вещах, как «вакансия», «формуляр», «абшид», «тариф», «акция», «аренда», «вексель», «амнистия», «ассигнация», «виктория», «медаль», «нация». Все эти понятия своей новизной и кажущейся таинственностью внушали уважение, иногда граничившее с безотчетным страхом. С тревогой думали о неведомом «обер-ландрихтере» или «провинциал-фискале», которых царь в указе сулил прислать в Нижний.

В связи с городовой и административной реформой изменился и внешний облик Нижнего Новгорода, чему много способствовали еще громадные пожары 1711 и 1715 годов. После второго пожара, истребившего добрую треть города, обратились в пепел воеводская изба, съезжая изба, дьячий и панский дворы, кабацкая изба, конская изба, таможня. Вместо сгоревших зданий, по приказу правительства, построили другие, но все они имели иной вид, иные названия и предназначались для совершенно новой служебной деятельности. В соседстве с Архангельским собором возвели каменное здание для «вице-губернатора» (гражданский начальник). Против Никольских ворот (после пожара заделанных) построили белокаменный дом «обер-коменданта» (военный начальник). В центре кремлевской площади появилось большое каменное здание «Губернской канцелярии». Рядом расположились «Надворныйсуд», «Камерирская контора» (финансовые дела), «Крепостная контора» (современная нотариальная контора). На Нижнем базаре обращало на себя всеобщее внимание громадное новое, из кирпича здание «Магистрата» (учреждение, ведавшее всеми горожанами, исключая благородных и знатных).

Во всех этих новозаведенных «присутственных местах» началась предписанная «инструкциями» и «регламентами» деятельность. С нею очень быстро освоились новые «чиновники», одетые в заморские мундиры, треуголки и со шпагами на боку, но очень долго не могли привыкнуть нижегородские посадские и ремесленные люди, просители, ходатаи и челобитчики, именуемые в инструкциях «клиентами». Установив для средних и высших чиновников «Табель о рангах», т. е. служебную лестницу окладов, чинов и наград, Петр временно оставил для младшей канцелярской братии, не имеющей чинов, старые приказные названия «дьяков» и «подьячих». Он лишь разделил их на группы: старые дьяки и подьячие, средняя статья и младшая статья. С течением времени дьяк официально стал именоваться «секретарем», а подьячие трех статей — «канцеляристами», «подканцеляристами» и «копиистами». В быту термин «подьячий», для обозначения мелкого чиновника, сохранился до самого конца XVIII века.

26. «Доходы от дел», попросту говоря взяточничество, достигло в петровское время в нижегородских казенных служебных местах ужасающих размеров. Петровское «зерцало» с назидательными надписями

Все канцеляристы-подьячие получали за службу годовую плату деньгами и хлебом: первая статья — 60 рублей и зерна (рожь и овес) 30 четвертей; средняя и младшая статья — соответственно 40 и 20 рублей, зерна — 20 и 10 четвертей. Столь мизерное жалование определяло и направление «служебных интересов». Все

Петр, конечно, видел взяточничество и преступные проделки больших и малых чиновников на местах. На первых порах он пустил в ход словесные убеждения. Первый из выпущенных им по этому поводу Указ гласил: «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, в Коллегиях, в канцеляриях и во всех судных местах всего государства судьям и пришедшим пред суд чинно поступать, понеже суд божий есть, проклят всяк, творяй дело божие с небрежением. А ежели кто противно сему поступит и учинит какое бесчинство, тот наказан будет по бывшим прежде указам».

Идя дальше по этому пути, Петр предписал иметь в судейской комнате на столе перед судьями «зерцало», напоминающее о важности места и «святости» законов. «Зерцало» — трехгранная зеркальная пирамидка с надписями по всем трем сторонам. Суть надписей сводилась к следующему: «Нигде в свете нет такого пренебрежения к законам, нигде не играют в законы точно в карты, прибирая масть к масти, как у нас было и отчасти есть...» Или: «Те, кои тщатся всякие мины чинить под фортецию правды, зело аркебузированы будут...», т. е. наказаны. Узнав, что многие судебные и другие дела вершатся обходным путем, тайно, не в казенных местах, а где придется, Петр через Сенат издал распоряжение: «Повелеваем всем в делах обретающихся, дабы отнюдь никаких дел, выписок и прочего приказного дела в домах не делать и челобитень не принимать ни в домах, ни на улицах, нигде, кроме приказов своих. Також запрещается приказным людям по утрам ездить по дворам для поклона или дел».

Взяточникам (по официальной терминологии «хищникам») были адресованы указы от 27 декабря 1714 года и от 21 мая 1720 года. Указ 1714 года подтверждался указом 1720 года «О хищниках и о прочем». «Известно ему, великому государю, учинилось, что возрастают на тягость всенародную и умножаются для лукавых приобретений и похищений государственных интересов великие неправды и грабительства, и тем многие всяких чинов люди, а наипаче крестьяне приходят в разорение и бедность... Того ради великий государь еще раз указал объявить всенародно: кто дерзнет сие чинить, то весьма жестоко на теле наказан, имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен будет...» Правда, желая во что бы то ни стало создать крепкое чиновничье сословие, Петр разрешал наказывать телесно только низшие категории чиновничества, да и то пороть «с сохранением чести», т. е. не снимая одежды с провинившихся. Первое десятилетие деятельности нового петровского чиновничества показало непрерывный рост служебных преступлений, корыстолюбия и мздоимства. Непрерывно текли жалобы обижаемых людей, адресованные правительству, в Сенат и непосредственно царю.

В течение последующих трех лет злоупотребления на местах увеличились еще более. Обер-прокурор Мякинин, докладывая однажды Петру о своих мерах в борьбе с растущими хищениями крупных и мелких чиновников, закончил доклад вопросом: «Обрубать ли одни сучья или положить топор на самые корни?» - «Руби все до тла!» — сказал Петр. Сказал, но не привел в исполнение. Ему понравился подсказанный кем-то проект: привлечь к борьбе с злоупотреблениями добровольных помощников из народа. Последовал указ, публично вызывавший всякого желающего доносить о взятках и злоупотреблениях в казенных делах. «...А кто на такого «злодея» подлинно докажет, тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будет, а буде он достоин будет, дастся ему и чин его. Сие позволение дается всякого чина людям от первых даже (по знатности) и до земледельцев».

27. Война с Персией. Петр в Нижнем.

правительство заблаговременно подготовляло армию для размещения внутри страны, откуда хорошо обученные и снаряженные регулярные войска намечены были к отправке в дальний поход. Каспийский поход Петра состоялся весною 1722 года. Походу предшествовали обширные приготовления. По всему Поволжью шла постройка судов для перевозки десанта на персидские берега. Намечалось, что от Рыбинска и Ярославля сплывут до Нижнего 274 струга с пехотой, артиллерией и амуницией, а далее вниз будут спускаться вместе с построенными в Нижнем и Казани уже 442 судна. Коннице и казакам предстояло пробираться в Персию сухим путем. Царь со свитой решил плыть Москвой-рекой и Окой до Нижнего, где назначено было соединение его флотилии с остальным караваном. Постройка в Нижнем судов и заготовка военного снаряжения, начатая с осени 1721 года, была поручена «генералмаеору» Григорию Юсупову. Специальный приказ царя объявлял: «Ехать тебе в Нижний и там строить пятнадцать гекботов, которым чертеж тебе вручается, и оным делом зело поспешить надлежит, дабы как возможно ранее оные поспели, а именно чтобы семь конечно, кой час вода вскроется, пущены были, также и достальные, чтобы не далее мая... того ради дается тебе полная воля для сбирания плотников, которых надлежит быть по сту человек к каждому судну...»

Через некоторое время последовал второй указ, увеличивавший первоначальное поручение еще на двадцать судов. В течение зимы Петр присылал в Нижний многочисленные письменные распоряжения, регулируя работы в мельчайших деталях.

Узнав о начавшихся желудочных заболеваниях среди кораблестроителей, Петр прислал Юсупову распоряжение: «Господин маеор! Понеже в Нижнем рыба дешева и зело много, того ради объяви указ всем пришедшим и которые вновь придут воинским людям, дабы ундер-офицеры и солдаты в неделю два дни вареную рыбу ели, о прочие дни печеную, понеже от печеной мыту (расстройства желудка) не будет. Также чтобы офицеры накрепко смотрели, дабы как в варении, так и в печении на огне довольно доваривали и выпекали, чтобы сырости не осталось... Также запретить рыбы свежие белужину и сомовину... Сие гораздо крепко содержать, ибо на офицерах жестоко спросится, ежели люди заболят». Указ заканчивался советом употреблять возможно больше уксусу (любопытный прием врачевания тех лет!).

Суда царской флотилии подготовлялись зимой в Котельниках под Москвой. Трудились русские мастера, приспосабливая суда к длительному плаванию монарха со свитой. Лично для царя (он брал с собой в поход жену Екатерину) были построены «речное судно, да верейка, да полубаржа». Верейка и полубаржа были обтянуты красным сукном и зеленой тафтою с желтыми снурками. Над скамьями палубы устроен был зондек (совр. тент).

Отплытие в «низовой поход» состоялось в середине мая. Царскую чету сопровождала многочисленная свита. Любопытен ее состав: француз-живописец Каравак, рисовавший в пути членов царской семьи, а также виды и планы понизовых местностей; при иностранце — русские для приучения мастерству: «гравировальных дел ученик Семен Матвеев, инженерный кадет Иван Пленин да солдат Андрей Коровин». Ехали с Петром и отечественные ученые для научной работы: овчарный мастер Михаил Радунский с учеником Мишей Дементьевым для изучения овцеводства, зверовщик (зоолог) Иван Семенов для составления коллекции приречной фауны, иноземец садовник Дидрих Стриблин для ознакомления с местной флорой и с тем, что можно извлечь из нее на пользу России. Не забыл Петр взять с экспедицией и типографский станок, которым заведовал обрусевший валахский господарь Кантемир (отец будущего русского писателя Антиоха Кантемира). Царь намеревался распространять среди персиян печатные листы. Для развлечения взяли в поход, кроме чужеземных плясунов, шутов и арапов, еще русских гудошников Алексея Сороку, Якова Олончанина да бандуриста украинца Данилу, одетых в темнозеленые суконные кафтаны с золочеными пуговицами и пышными шелковыми кистями.

Плавание продолжалось одиннадцать дней; к 26 мая вся многочисленная вереница судов прибыла в Нижний Новгород. В этот приезд Петр остановился в доме «именитого человека» Григория Строганова. Строгановы, имевшие в Поволжье крупные склады уральского железа и пермской соли, построили в Нижнем Новгороде перед самым приездом Петра две богато украшенные церкви своеобразного стиля. Осмотру города и беседам с властями были посвящены два первых дня пребывания царской семьи в Нижнем.

В соборе, в подземелье, царь подошел к гробнице Кузьмы Минина и, склонившись до полу, произнес: «Здесь лежит избавитель России». 30 мая Петр торжественно праздновал в доме нижегородского бургомистра Якова Пушникова день своего пятидесятилетия, совпавший с днем пятисотлетия Нижнего Новгорода. Отдав дань гостеприимству нижегородцев, царь принялся за текущие дела. Прибыл на место строительства десантных судов, первым делом распек строительное начальство за плохую работу, некоторые администраторы попробовали знаменитой петровской дубинки. Успокоившись, царь приказал недостроенные десантные суда кончать, приняв во внимание его указания.

Особую заботу проявил Петр в отношении торгового судостроения. В Нижегородском крае издавна постройка судов производилась в Балахне и окрестностях, в устье Керженца на Волге и в Черноречье на Оке. Суда страдали одним недостатком — обшивка скреплялась железными скобками, без конопатки. Постоянная течь не позволяла использовать нижегородские суда на море. Петр не медля обнародовал подробный указ: «Кто имеет всякого чина люди у себя суда, на которых возят всякие товары в низ, оные бы люди такие суда объявляли в Нижнем в Губернской Канцелярии немедленно, понеже оные суда будут клеймить погодно, дав сроку возить товары два года, а как два года пройдут, те суда все изсечь». «В оные два года делать людям суда такие, которыми бы можно ходить и на море для возки товаров, а именно эверсы и новые романовки и иные морские суда с полной оснасткою морскою. Лес на суды всегда рубить с ноября месяца, и чтобы меньше года после рубки не делали, а особливо доски, хотя бы двухгодовалые, а что более, то лучше, дабы высохли. А когда высохнут и выконопачены будут, то не токмо рассохнутся, но еще от воды разбухнут и конопать сдавят. А со скобками отнюдь не делать... Делать оные суда не образом только, но делом, чтобы были крепки и добрым мастерством».

Распорядившись продолжать работу в трех традиционных нижегородских местах судостроения, Петр приказал построить в Нижнем Новгороде еще верфь с геленгом (эллинг) для оснастки судов. И тут же дал дополнительные распоряжения: «К оному строению надлежит прислать из Адмиралтейства мастера судового, также блокмахера, мачтмахера, боцмана и

пятнадцать человек матрозов». «А для надзирания над оным строением выбрать в Сенате доброго человека, неманца и чтоб не ниже рангом был майора». «Мастерам быть на жаловании казенном, а работникам на верфи быть непременным (не сменным, а постоянным) мачтовым, парусным, блоковым и содержать оную верфь Комиссару, а для лучшей верности в продаже и в покупке материалов и жалования и прочих денежных расходов при том быть Вице-Губернатору да по два из посадских погодно».

О производстве якорей для нижегородских «новоманерных» судов указ последовал в другое время. «Великий государь указал послать из якорных десятников С.-Петербургского Адмиралтейства добрых дву человек, одного в Нижний, в Городецкую волость в вотчину сенатора господина Стрешнева, где есть большой завод якорный, другого на Тихвину в Мстеры и с ними по одному кузнецу и дать им пятно с таким указом, чтобы никто никаких якорей не продавал без их пятен и чтоб они в погребу государевых верфей тамо в обоих местах сие дело основали». Дав нижегородцам еще ряд мелких указаний по «новоманерному судостроению», Петр отплыл к Макарьевскому монастырю, продолжая свой «низовый поход»...

28. Учреждение полиции. Самоуправство ямщиков.

Неутомимый в своем реформаторстве, Петр I ввел в столицах специальным указом новый юридический институт — «полицию», которой дал право регулировать если не все, то очень многие стороны личной и общественной жизни. Регламент Главного Магистрата подробно перечислял функции российской полиции: «...Оная споспешествует в правах и правосудии; рождает добрые порядки и нравоучения; всем безопасность подает от разбойников, воров и обманщиков; непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу». Столь широкая программа требовала и широких полномочий.

Господа полицейские скоро воспользовались суммой прав и привилегий в интересах господствующего класса. Полиции разрешалось регламентировать посещение горожанами церквей и зрелищ, расходы обывателей, их одежду, выезды и семейные празднества; собрания в частных и общественных домах, цены на товары — словом, не было такого уголка в «партикулярной» и общественной жизни нижегородцев, куда бы петровская полиция не могла сунуть свой всемогущий нос. Предписывалось беспрекословно подчиняться требованиям полиции. Мало того, по Регламенту, «пороки полицейских служителей должны сокрыты быть, дабы публика доверенности к ним не лишалась, чего ради и проповедники церковные да не дерзают в проповедях своих в осуждение полиции или ее служителей разглашать». Одновременно предусматривалось введение тайных полицейских агентов для наблюдения. В 1733 году полиция появилась в губернских городах.

Нижегородский «фундаментальный подпор человеческой безопасности» с 1742 года поручили капитану Метревелеву, произведенному в «полицмейстеры». Под начало Метревелева дали двух капралов, четырех унтер-офицеров и восемь нижних полицейских чинов — «хожалых». Деятельность полиции началась с устройства на концах улиц рогаток и решеток, при которых каждую ночь назначались дежурить караульщики из местных жителей. «Стража» вооружена была грановитыми дубинами и трещотками. Строжайше предписывалось «палочному караулу» под страхом смертной казни (!) спешить на помощь каждому обывателю, подвергшемуся нападению злоумышленников и вызывавшему отчаянными криками караульных. Давным-давно канули в лету городские палочные караулы, но и по сие время обижаемый на улице человек вопит громко, как может: «Караул!!»

В Нижнем введение рогаток и караулов вызвало ряд печальных и комических инцидентов. Ильинская «решетка» отделяла центральную часть города от «ямских слобод», располагавшихся по трем Ямским улицам. Ямщики, имевшие особое от города «самоуправление», сочли для себя необязательным служебную повинность при рогатках и не выделяли очередных караульщиков. Городской квартирмейстер Баранщиков забрал несколько ямщиков в полицию. Толпа в сто ямщиков, предводительствуемая ямским управителем прапорщиком Кучинским, пришла «выручать своих». Своевольная ямщицкая ватага ворвалась с дубьем в помещение полиции, избила капрала, унтер-офицеру проломила голову и «захватила в плен» квартирмейстера. Несчастного Баранщикова держали два дня в Ямской слободе закованного в цепях и в цепях же водили на показ людям по Большой, Малой и Третьей Ямским улицам. Городские полицейские силы справиться с ямщиками не могли. Лишь после случившегося в Ямской слободе большого пожара, когда сгорело 10 домов, Губернская канцелярия разрешила полицмейстеру Метревелеву усмирить ямщиков солдатами местного гарнизона.

29. Борьба с «вулканусом»: «...Чьим небрежением от кого учинится пожар, и тому от государя быть казнену смертью»

Борьба с «вулканусом», как официально именовалось пожарное бедствие в правительственных актах, составила вторую важную обязанность новой полиции. Пожары, «красный петух» или, по-петровски, «вулканус» (Вулкан в мифологии — бог подземного огня), издавна составляли страшную по своим последствиям беду для русских городов. Способов избавления от этого зла никто не знал. Принимались кое-какие меры в целях предупреждения бедствия. Эти меры целиком перешли в XVIII век. Полиция запрещала жителям пользоваться домашними кухнями в летнее время, с мая по август, предписывала устраивать на огородах и пустырях временные кирпичные очаги. На комнатные, русские и «голландские» печи накладывались висячие восковые печати, которые неминуемо таяли в случае попытки развести огонь. В Нижнем не разрешалось в летний период по ночам освещать свои квартиры.

Петр в 1723 году не остановился даже перед подтверждением старого постановления из «Уложения» 1649 года: «...чьим небрежением от кого учинится пожар, и тому от государя быть казнену смертью». Для тушения пожаров предписывалось иметь при каждом доме кадь с водой, крюк, багор и парус или кошму. Радикальное средство во время больших пожаров было одно: разрушали вокруг все соседние строения, чтобы образовалось кольцо пустого пространства. Лишь в 1727 году магистрат додумался заставить жителей чистить печные трубы и следить за их состоянием. Полицейская канцелярия взяла на себя наем и содержание печников и трубочистов; последние получали с горожан по копейке с каждой печи. Нижегородская полиция не стяжала себе лавров в борьбе с «вулканусом». Громадные пожары 1728,1735,1737и 1741-го годов надолго остались в памяти горожан.

30. «Кулачная забава» на льду Оки между Нижний базаром и Кунавинской слободой

Метревелев с помощниками, следуя указанию Регламента насаждать «добрые порядки и нравоучения», объявил войну... народным играм и развлечениям — хороводам, городкам, кулачным боям. Здесь полиция неожиданно нашла себе союзника в лице Синода, который от себя возбудил перед правительством ходатайство о запрещении повсеместно в России скачек, ристаний, народных плясок, кулачного боя и других, по его выражению, бесчинств. Однако Правительствующий Сенат посмотрел на это дело иначе и в особом Указе (11 июня 1743 г.) разъяснил, что «подобные общие забавы в свободные от работы праздничные дни... служат для народного полирования, а не для какого безобразия...».

Кулачные бои получили в Нижнем право на законное существование. Происходила «кулачная забава» на льду Оки в пространстве между Нижним базаром и Кунавинской слободой. Район «боя» строго соблюдался: не дозволялось преследовать противника, ступившего со льда на правый или левый берег. Самые яростные бои между добрыми молодцами города и Кунавина происходили в конце зимы, на «масленичной неделе». Традиционная русская масленица вообще сопровождалась у нижегородцев катанием, разгулом. Это были дни, когда обычаем разрешалось есть до пересыта (т. е. до икоты), пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду... Полиция не вмешивалась в нижегородские «ледовые побоища», но обязательно присутствовала и наблюдала, чтобы сражающиеся в пылу увлечения не пускали в ход ножи, кистени и каменья и не бросали песок в глаза. С теми, кто клал в рукавицы медные пятаки, расправлялись совместно свои и чужие драчуны. Масленичный кулачный бой картинно запечатлен в поэме «Масленица» неизвестного автора того времени.

31. Наказание провинившихся на площади у церкви Иоанна Предтечи. Женщинам удавалось ускользнуть от сечения и выйти замуж

Экзекуции обычно происходили на площади у церкви Иоанна Предтечи. Трехконечная плеть как орудие наказания в середине XVIII века сменила употреблявшийся раньше более страшный двухконечный кнут. Женщинам удавалось ускользнуть от сечения. Закон, свято соблюдавшийся, гласил: «Если при публичном наказании девушки или вдовы плетьми в толпе находится мужчина, желающий на ней жениться, то она выдается ему свободной от экзекуции ». Мужчины не были редкостью среди зевак на Ивановской площади. Однажды пять пар нижегородцев ушли со зрелища публичной казни молодоженами.

32. Первая в Нижнем школа разместилась в двух домах на Нижнем базаре рядом с магистратом

Гражданская власть времен императрицы Анны, стремясь прибрать к рукам просвещение, школу, обратилась за содействием к священному Синоду. Церковное начальство поспешило с готовностью выполнить «монаршую» волю. Нижегородская епископская кафедра ретиво принялась за насаждение школ. К середине 20-х годов (18 века) Нижний Новгород украсился сразу тремя школами: Букварной, Славяно-Российской и Эллино-Греческой.

Ученики набирались принудительно среди тех кругов населения, в которых епископ мог самовластно распоряжаться, т. е. из сыновей попов, дьяконов, дьячков и причетников. Собранным со всех концов губернии 200 мальчикам произвели «разбор». 20 человек оказались «в чтении искусны и острой памяти» — их определили в старшую, Эллино-Греческую школу. 30 человек, «тугих на чтении и легкой памяти», зачислили в среднюю, Славяно-Российскую школу. Остальные 140 (десятерых забраковали), как неграмотные, попали в младшую, Букварную школу. Одновременно с «разбором» подыскивалось школьное помещение. Это не было легким делом. Правительственное предписание гласило: «Школу в Нижнем строить не в городе (кремле), но в стороне, на веселом месте, где несть народного шума, ниже частых оказий (уличных происшествий), которые обычно мешают учению и находят на очи, что похищает мысли молодых ребяток и прилежать учением не пропускает».

Впредь до постройки собственного здания наняли два дома рядом на Нижнем базаре, недалеко от городского магистрата. Вторым делом было подыскать преподавателей. Качества будущих педагогов заранее детально определялись епархиальным начальством: «При заводимых школах иметь учителей умных и честных, которые б в книжном чтении были остры и разумны, и правоглаголение добре произносить умели, и ударение, просодию и препинание строчное безгрешно соблюдать могли. Да и детей бы учили не токмо чисто, ясно и точно по книгам чести, что хотя и нужное, обаче еще недовольное дело, но учили бы честь и разуметь». Отыскались наконец удовлетворяющие этим условиям люди: учитель русской словесности Тимофей Колосов и иеромонахи Авраамий, Сергий и Савватий. Им всем вменялось в обязанность «содержать учеников не яко подчиненных рабов, но яко братьев... обучать всегда тщательно со всяким благосклонным, нелицемерным и беспристрастным наставлением каждому искусству, насколько сами ныне умеют...»

Учебные занятия начались и происходили по методам, типичным для педагогики той эпохи. Устные уроки назначались до обеда, а письменные — после обеда, «дабы малолетним отрокам большой тягости не учинилось». Школьников тупоумных и ленивых сажали вперемежку с прилежными и способными, «дабы тупоумные и ленивые при добрых и искусных товарищах удобнее научиться могли».

Наказаний для непослушных было несколько степеней. «В первый и другой раз внушить словесно, чтобы впредь такой лености и пренебрежения и ослушания и преозорства не делал; а за третью вину при собрании прочих учеников смирить шелепами; и за четвертую и пятую вину — плетьми и тюремным арестом на неделю... А буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник и непокорлив, то, хотя бы остроумен был, услать из школы, чтобы бешеному меча не дать...»

После нескольких лет учебы епархиальные власти вздумали проверить результаты новой школьной системы. В Эллино-Греческой школе иеромонаха Савватия имелось два класса, в которых последовательно изучали «грамматику» и «пиитику». Из 48 учеников, поступивших за три года, курс греческой грамматики закончили 7, и они перешли к изучению пиитики. Уволено за тупостью 11, умерло 2, бежало 4.

В Славяно-Российской школе, бывшей первоначально в ведении Тимофея Колосова, насчитывалось 110 человек. Из них славянской грамматике выучилось 5, отбыло в другие епархии 36, за негодностью исключено 6. Оставшиеся 63 человека за смертью Колосова учились у вновь нанятого учителя Дмитрия Андреянова.

В Букварной школе, руководимой монахами Сергием и Авраамием, перебывало за те же годы 427 учеников. Все закончили учение и были назначены в разные места на причетнические должности. «Ныне налицо никого из них не обретается...» — заключили ревизоры.

Неутешительные результаты учебы навели местного архиерея на раздумья. В результате явился составленный им проект нового объединенного и расширенного учебного заведения. К двум прежним школам присоединялась еще третья, для более старших учеников — Славяно-Латинская. Проект одобрили, и с 1737 года в Нижнем Новгороде появилась семинария, имевшая целью, по мысли правительства, готовить миссионеров для Поволжья. Синод, утверждая нижегородского архиерея начальником семинарии, потребовал, чтобы он относился к будущим миссионерам как «отец к детям». Епископ так и сделал: поместил «детище» в своем доме, на своем коште и под «отеческим присмотром». Некоторое время семинария «гостила» в кремле, в здании «митрополии», а когда был выстроен большой дом на земле вдовы бургомистра Пушникова, перебралась туда.

33. Посещение Нижнего Новгорода Екатериной II. Дело Настеньки с Панской улицы

Нижний Новгород встретил императорскую флотилию ружейными залпами, барабанным боем, колокольным звоном и красноречием духовных иерархов. Губернские и уездные жители поднесли «подарки»: 4 приветственных адреса и 200 жалоб. Адресам нашлось место на флагманской галере «Тверь», а жалобы попали в кабинетную галеру «Ржев», в дополнение к

накопленным ранее 400 документам человеческого горя и слез.

Испортившееся настроение императрицы тотчас же ощутили местный губернатор и архиерей. Первому указали на неприглядное состояние городских улиц: «Город ваш ситуацией прекрасен, а строением мерзок», второго кольнули распущенностью Городецких монахов. Однако, находясь в присутствии пяти иностранных свидетелей, Екатерина решила сделать хорошую мину при плохой игре: она пожелала публично разобрать одно поданное ей прошение.

Около середины XVIII века в Нижнем на Панской улице поселился, покончив с обширными торговыми делами, балахонский купец Осокин. Овдовевший старик души не чаял в красавице дочери, восемнадцатилетней Насте. Одноэтажный со светелкой дом Осокина стоял на самом обрыве Волги. Нижнее помещение занимал хозяин, в светелке жила девушка с няней. Жили тихо, спокойно, выходя из дому лишь на базар и в церковь. Лелеял свою Настю купец Осокин и охранял от соблазнов, но пропустил, не заметил, как появился у дочери мил дружок, его собственный приказчик Гаврила. Встречались молодые люди в светелке, в часы, когда старика дома не было. Охраняла свидания старуха потворщица, нянюшка. Но однажды зимой 1765 года возвратился купец домой не в обычный час. Первой нашлась нянюшка: подняла перину на девичьей постели и толкнула туда оробевшего парня. Поправили одеяло и встали перед дверью как ни в чем не бывало. Вошел старик, уселся на кровать и повел с дочерью долгий задушевный разговор. Наконец перекрестил старик свою дочь на ночь и отправился к себе. Когда замерли отцовские шаги, кинулись нянюшка с Настей к постели, подняли перину и замерли... Гаврила лежал мертвый. Час прошел в оцепенении. Обдумывая горькое положение, пришли к мысли скрыть труп. Но куда и, главное, как вынести? Нужны сильные мужские руки. Решились подкупить за деньги верзилу Ивана, осокинского дворника. За 20 рублей согласился детина вынести труп в мешке на Волгу и сбросить в прорубь. Получив деньги, каких никогда в своих руках не держал, загулял Иван. Через две недели проспался, пришел домой и... попросил еще. Дали... И еще дали... И — еще. А там пошло... Когда однажды отказали, пригрозил Насте: «Открою все — на каторгу пойдешь...» Началась для девушки жизнь, полная страданий и муки. Стыд и страх заглушали намерение открыть все отцу. А требования парня становились все более дерзкими. Когда отданы были все до последнего отцовы подарки, пришлось взамен денег дарить вымогателю свои ласки.

Прошел год, нянюшка умерла, еще горше пришлось бедной Насте. Прокучивая заработки в Покровском кабаке, по-местному Облупе, спившийся вымогатель вызывал на пирушки хозяйскую дочь, заставляя ее плясать перед пьяными собутыльниками. Однажды, выждав случай, когда злодей с полдюжиной своих дружков, мертвецки напившись, свалился спать под кабацкими лавками, она выскользнула вон и, подперев лопатой дверь, зажгла с четырех углов Облупу. Дело было глухой ночью. Сбежавшийся народ нашел кабак, охваченный пламенем. Наутро, растаскивая остатки бревен, горожане откопали в пепле восемь обуглившихся трупов. Около пожарища бродила простоволосая, с безумным взглядом, помешавшаяся женщина. Присудили Настю к кнуту и каторге, но приговор не приводили в исполнение: что возьмешь с безумного человека? Временами сознание возвращалось к ней, и она тогда рассказывала окружающим о своей горемычной судьбе. День приезда Екатерины II в Нижний как раз совпал с моментом такого просветления ума Осокиной. Кто-то из добрых людей написал прошение, другие вытолкнули ее из толпы к царской коляске... Прошение оказалось в руках императрицы. Трудно сказать, чем именно руководствовалась в своем решении Екатерина, — возможно, что в присутствии многочисленных иноземных гостей и собственных подданных хотелось ей прослыть внимательной к просьбам подданных, но приказала она отменить первоначально вынесенный приговор. Губернатору Аршеневскому был отдан приказ: прекратить судебное преследование Осокиной, передав ее на попечение местных монахинь.

34. О первом герберге (трактире) на Нижнем посаде в Предтеченском приходе

По справке Нижегородского Наместнического правления от мая 1787 года «О количестве гербергов, трактиров и кофейных домов», в Нижнем Новгороде оказались 7 гербергов и 3 трактира. О последних в сообщении коменданта сказано: «Первый состоит на Нижнем посаде, в Предтеченском приходе содержится купцом Андреем Жуковым; в нем торгуют гданской (данцигской) и французской водкою, английским эльбиром и полпивом легким русского варения, красным и белым вином и съестными припасами; в трактире есть биллиард. Второй трактир принадлежит Федору Неудакину, третий — купцу Якову Стешову, торгуют в них теми же винами и закусками, что и в первом». В эти «перворазрядные» заведения строжайше запрещалось впускать посетителей в «смурых и серых кафтанах, сибирских поддевках, армяках и тулупах».

35. О поэте Н.С. Ильинском — инициаторе сбора средств для памятника Козьме Минину

Известным поэтом в кружке (нижегородской интеллигенции конца 18 века) был видный местный чиновник, советник Губернского правления Н.С. Ильинский. Переведенный на службу в Нижний в 1793 году из Пскова, Ильинский, кроме поэтического дара, обладал еще большими познаниями в русской истории. В Пскове он закончил труд о прошлом города и начал собирать материалы для биографий русских исторических деятелей, в первую очередь — Кузьмы Минина. В Нижний Н.С. Ильинский прибыл с надеждой найти новые исторические данные к жизнеописанию выдающегося нижегородца. Посещение гробницы героя вызвало у поэта лирическое вдохновение:

Не слезы я теперь над прахом симлию,
Но, славою пленясь бессмертной, вопию:
Почий, великий муж! Почий , тебе вещаю,
Ты друг отечества! Сердечно я желаю —
Да память дел твоих до толе не прейдет,
Пока земной сей шар, разрушася, падет.

Поэт-патриот был принят в литературном кружке с истинно нижегородским радушием и приветливостью. Несколько лет упорных изысканий и труда позволили Н.С. Ильинскому выпустить в свет книгу «Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа, нижегородского купца Кузьмы Минина, выбранное из исторических преданий».

Это была первая печатная биография знаменитого нижегородца. В последних годах XVIII века возникло у нижегородцев желание увековечить подвиг славного земляка установкой памятника. Ильинский подал мысль о всероссийском сборе средств на бронзовый монумент. Воззвание, разосланное по городам, сопровождалось написанными Ильинским стихами:

Приближитесь, сердца, незнающие лести,
Почтите Минина не оцененный прах!..

Деньги на памятник собирались несколько лет. Когда скопилась достаточная сумма, бронзовый монумент был заказан известному русскому ваятелю И.П. Мартосу. Но Нижний Новгород так и не увидел на своей земле это выдающееся скульптурное творение. Украшая столицу после пожара 1812 года, правительство распорядилось памятник, приготовленный для Нижнего Новгорода, установить на Красной площади в Москве...

Далее — век XIX...

35. О бурлаках (некоторые из них в будущем стали хозяевами Нижнего базара и Рождественской улицы). Биржа по найму на Ивановской площади. «Под табак!»

Роль Нижнего сводилась к относительно скромному значению перевалочного пункта для паузки транзита в мелкосидящие суда. Все же семь месяцев в году, когда Волга становилась судоходной, тихий провинциальный городок жил повышенной, а моментами и очень интенсивной жизнью. Пришлый «работный люд» увеличивал его коренное население в два-три раза, а скопление судов на рейдах обеих рек видоизменяло внешнюю его физиономию. В ту пору Волга была рекой деревянных расшив, при попутном ветре идущих на парусах. А большую часть времени их тянули «бичевой» бурлаки.

Каждой весной толпы людей, ищущих работы, стекались со всех концов губернии в Нижний. В середине марта на Ивановской площади (нижняя часть города) начинались ежедневные базары, где предметом торга были не вещи, а мускульная сила рук, крепость ног и груди. Особенно много было уездных государственных крестьян, нуждавшихся в подсобном заработке, и помещичьих крестьян, не сумевших полностью выработать оброк. Были и городские мещане, не имевшие постоянного источника пропитания. Приходили наниматься также опустившиеся люди и пьяницы, искавшие любую работу, бродяги с фальшивыми паспортами, помышлявшие о коротком отдыхе от бесконечных скитаний. Особняком стояли люди, которых толкала на бурлачество «вольная волюшка».

Рядились бурлаки на работу артелями по 25—30 человек. Для большого судна требовалось 100 и более рабочих, для среднего 30—40, а для малого — от 5 до 8 человек. В среднем, для каждой тысячи пудов груза полагалось иметь «восемь ног». Обычным для нижегородцев был «ряд» на «малую путину» до Рыбинска. За расстояние в 454 версты наниматель платил от 12 до 45 рублей, в среднем 23— 25 рублей. Заключив условие и получив задаток, артель первым делом покупала вскладчину деревянные семеновские ложки. Каждый бурлак, как символ своей профессии, втыкал ложку под ленту «гречневика» (валяная шляпа). Порядившись, артель гурьбой отправлялась в кабак «мочить лямку». В условленный час все аккуратно являлись к судну и пускались в путь. От бурлаков требовалась большая физическая сила. Они наваливались грудью на ременные петли лямок и тянули груженое судно вверх против течения. Шаг бурлаков был очень медленным: они ступали вперед только одной правой ногой и затем придвигали левую — шагать иначе не позволяла тяжесть лямки. Шли низко, наклонив голову, отчего кровь приливала к

ней. Идти часто приходилось по воде. В этом случае бурлаки беспокоились об одном — как бы не подмочить табак, который висел у них на груди. И, когда вода становилась слишком глубокой, кричали: «Под табак!». Бурлацкое выражение «под табак!» для обозначения глубины водного потока укрепилось в речном обиходе на все последующие времена. Старший бурлак в артели — водолив — был за хозяина и смотрел, чтобы не подмок товар. Заведывавший хозяйством назывался лоцманом, или «дядей». Самый сильный шел впереди, звали его «ш иш кой». Были в артели еще двое — так называемые «косные». Онишлисзадии «ссаривали» бечеву, т. е. освобождали ее, когда она запутывалась и задевала за что-нибудь. Пищу варил самый младший из бурлаков, обыкновенно мальчик 14— 15 лет. Длина рабочего дня определялась хозяйским требованием «идти со всей поспешностью, не просыпая утренних и вечерних зорь», т. е. равнялась, примерно, 18 часам, с небольшими перерывами на обед. Путь до Рыбинска продолжался около 20 дней, после чего бурлаки спускались на легкой лодке обратно в Нижний и могли наняться вновь, — и так до четырех раз в навигацию. Бурлаки из крестьян-землепашцев обычно ограничивались двумя путинами, торопясь к Петрову дню (29 июня) — попасть к сенокосу и жатве. Материальная сторона «лямочной профессии» была, конечно, ужасной. Примерно одна треть бурлаков имела мизерный заработок, другая треть оставалась уже довольной тем, что прокормила себя во время навигации, а остальные после сплава возвращались домой в рубище, без денег, питаясь подаянием. Товарооборот, производимый на Волге людской тягой, был крайне медленным. Рыба Каспийского моря прибывала из Астрахани в Нижний через 60—65 дней. Самаро-саратовский хлеб — через 40— 45 дней. Камская соль — через месяц. Сроки водной доставки значительно превышали доставку тех же товаров зимним путем на санях. Стоимость провоза груза в обоих случаях была примерно равной, и предпочтение расшив гужевому пути было чисто условным, — для всего количества перевозимого Волгой груза невозможно было найти достаточно лошадей.

37. Эпоха генеральной реконструкции города Николаем Первым. Две кремлевские башни, Часовую и Северную, Николай предписал комфортабельно отделать для жилья себе и царице

К середине тридцатых годов окончательно определились три основных кита николаевской государственности: православие, самодержавие, народность. Осуществляя третий из этих принципов — «единение царя с народом», Николай в 1834 году предпринял поездку по внутренним губерниям, захватив, кроме свиты, «на всякий случай» и шефа жандармов графа Бенкендорфа.

10 октября император прибыл в Нижний Новгород. Бывалых нижегородцев трудно было удивить августейшими посещениями: они незадолго до того видели Александра; еще ранее — Павла; старики хорошо помнили и «матушку» Екатерину. Но николаевское посещение оказалось из ряда вон выходящим. Начало своего пребывания в городе Николай I заполнил строевыми учениями, разводами, вахтпарадами и военными забавами. Нижний был оглушен непрерывным барабанным боем. Любя сентенции, царь и нижегородцам оставил несколько «исторических фраз». После первого знакомства с городом он сказал окружавшей его нижегородской знати и чиновникам: «У вас в Нижнем природа сделала все, чтобы украсить город, а люди делают все, чтобы его испортить». При этом, указывая на домишки, лепившиеся по склону горы, обращенные на реку не фасадами, а задами (сады и огороды), добавил: «ваши дома на меня з.....и смотрят!».

На соборной площади, представляя городского архитектора высочайшему взору царя, губернатор отметил, что представляемый отличается глубокими познаниями в науке и технике. Николай резко заметил: «Мне нужны не ученые, а исполнители!». Немного позднее, царю со свитой пришлось спускаться по узкой, с низкими сводами, лестнице в подземный соборный склеп к гробнице Минина. Архиерей Иаков из угодливости перед Николаем, который отличался высоким ростом, поспешил предупредить монарха; «Ваше величество, поберегите голову!». На это вспыхнувший от нечаянного намека царь не замедлил ответить: «Смотри, владыка, лучше за своей головой, как бы с нее не свалилась митра!».

На улицах нижегородское население с трепетом смотрело в налитые кровью глаза «обожаемого» монарха и, дрожа от страха, слушало его зычные, громоподобные слова. Выслушать окружающим пришлось немало. День был дождливый. Царская коляска застряла в непроходимой грязи Ивановского съезда. Пока, в течение получаса, вытаскивали экипаж из грязи, рассерженный царь, ругая всех попадавших под руку, отдал ряд приказаний — вымостить этот съезд и устроить еще несколько других съездов в городе.

Приехавший на откос вблизи Георгиевской церкви Николай, любуясь видами Заволжья, зажимал нос от невообразимого зловония: горожане имели обыкновение сбрасывать здесь кухонные отходы. От царя последовал приказ — устроить по откосу бульвар и городской сад. Спутник царя Бенкендорф заметил при этом, что едва ли сад по склону горы понравится нижегородцам, так как, де, русские, как равнинные жители, не привыкли лазить по горам... Царь нервно выкрикнул: «Пускай научатся!». Во время посещения

городских окраин около царя собралась толпа мещан и чиновников, образовалась давка. Послышались крики сдавленных людей и брань. По поводу последнего обстоятельства царь сказал: «Какая азиатская некультурность! Народу нужно образование!». В связи с этим появилось предписание устроить в этом районе училище для детей канцелярских служителей.

Закончился день посещением нижнего берега Волги. Там царь облюбовал место для постройки воинских казарм. Второе утро царского пребывания в Нижнем было посвящено осмотру памятников церковной старины, а вечер — выработке Детального плана полного переустройства всего города. Собравшемуся купечеству и властям города царь заявил: «Я предназначен судьбой исправить ошибки истории в отношении вашего города»... Царь потребовал план города и собственноручно начертил на нем необходимые исправления. Остальные указания он дал устно, они были записаны на бумагу и составили вместе с пополнениями при следующем приезде царя 88 пунктов. Этот обширный перечень заключал: переделку домов окнами к реке, перенос значительной части зданий на новые места, удлинение улиц в одних случаях и расширение — в других; устройство виадуков по Окской набережной; постройку новых казенных зданий, церквей, часовен, воинских казарм, плацпарада и проч. Не последнее место в царских повелениях занимали: запрещение пристяжным лошадям пожарного обоза загибать при беге голову набок, приказание держать ворота архиерейского дома круглые сутки настежь открытыми и т. п.

Некоторые распоряжения отличались истинно царской эксцентричностью. Две кремлевские башни, Часовую и Северную, Николай предписал комфортабельно отделать для жилья себе и царице, разъяснив, что он намеревается через двадцать лет отказаться от короны и приехать в Нижний для уединенного проживания. Башни поспешили в честь будущих постояльцев переименовать в Николаевскую и Александрийскую. После башни приспособили для склада горелок и осветительных масел.

Одно из высочайших повелений вызвало длительное замешательство. Переданное через Бенкендорфа, оно гласило: «По устроению Преображенского собора сломать находящиеся около него каменные башни». Губернское правление колебалось приступить к разрушению ближайших к собору ценных в историческом отношении Дмитровской и Пороховой башен и рискнуло обратиться за разъяснением приказа к царю. Тут выяснилось, что плохо знакомый с русским языком Бенкендорф, получив от царя распоряжение уничтожить соборные опорные контрфорсы, возведенные еще в 1815 году известным Кулибиным, назвал их в официальной бумаге «башнями около собора...» Ценные памятники старины уцелели только благодаря случаю.

38. О Миллионке — Нижнебазарной окраине Нижнего. Жизнь отверженных

Нижнебазарной окраиной Нижнего являлась получившая громкую известность «Миллионка», состоявшая из Большой и Малой Живоносновских улиц и ряда поперечных переулков. Населяли Миллионку кормившиеся около Волги грузчики и сезонные рабочие, а также обслуживавшие их «печеночники», «пирожники», «сбитенщики» и проч. Немало числилось безработных и «стрелков», живших подаянием. " В центре нижегородского «дна» располагались дома Косолапова, Брылина, Колчина, Горина, Распопова. Дома эти служили для «миллионщиков» обычным ночлежным приютом. Все жилые помещения в Миллионке были похожи одно на другое: темные, грязные, вонючие комнаты среди каменных, почерневших от времени стен, наощупь холодных, мокрых и осклизлых...

«Квартиранты» спали, не раздеваясь, на полу, подстилая под себя куски старых рогож. В отдельных домах устраивались 2- и 3-ярусные нары, и тогда ночлежникам предоставлялось право занавесить свой угол «драпировкой» при помощи рваного куска ситца и в таком «семейном отделении» спать парой с постоянной или случайной женой. Жизнь «отверженных» Миллионки нисколько не беспокоила городских заправил, несмотря на то, что до них иногда доходили отчаянные просьбы о помощи случайно застрявших там людей. Слепой старик, бывший служитель канцелярии городской управы, после двадцатилетней службы принужденный скитаться по ночлежкам Миллионки, прислал в думу прошение в стихах, которое заканчивалось отчаянным призывом:

Зима путь свой продолжает, —
Мороз, холод и мятелъ!
Каждый день меня пугает
Эта снежная постель.
Обратите вы вниманье
На слепого старика
Испасите от страданья,
Всюду гонят бедняка.

Нельзя сказать, чтобы на думу поэзия не оказала никакого влияния. На полях прошения была положена резолюция головы: «выдать просителю 50 копеек»... Никто не обратил больше на это внимания, только пронюхавший либеральный публицист из местной газеты ядовито заметил в фельетоне: «Тридцать строк поэтического творчества оплатить полтинником что-то маловато; ведь это построчный гонорар по I 1

1 /2 копейки за строчку выходит. Не стоит писать стихов с благотворительной целью».

39. О переписи босяков

Нелегко было охватить переписью местных жителей, не обладавших собственной квартирой, комнатой или хотя бы углом. Их переписывали ночью в ночлежках. С особенным страхом входили переписчики в Бугровский ночлежный дом. Три этажа громадного каменного корпуса, рассчитанного на 500—600 бесприютных, оказались наполненными ночлежниками в количестве 1082 человек (из них 50 женщин).

Люди спали вповалку под нарами, в коридорах и даже в отхожих местах. Сторожа согнали всех «квартирантов» в одну сторону дома и потом пропускали по одному на свободную половину. Особых хлопот счетчикам эти обездоленные люди, носившие в нижегородском обиходе названия: «босяков», «золоторотцев», «галахов» и т. д., против ожидания, не доставили. С редким добродушием и часто с юмором отвечали они на вопросы, подбадривая шуткой товарищей, почему-либо стеснявшихся. Лишь единичные ночлежники на вопрос счетчика предъявляли «ультиматум»: «Дай пятачок, тогда отвечу».

Среди тысячи «бездомников» нашелся человек, ответивший на вопрос о звании: «барон». Переписчики, обязанные заполнять листки со слов, колебались. Но засаленный паспорт, вынутый из грязных онучей, подтвердил, что их обладатель действительно родовитый представитель нижегородского дворянства — барон Бухгольц, опустившийся «на дно». Позднее он был увековечен Горьким в пьесе «На дне» в образе барона. Бугровский ночлежный дом был не единственным местом приюта бездомных нижегородцев. В 105 мелких квартирах Миллионки счетчики зарегистрировали свыше 1500 человек временно ночевавших. Таким образом, на восьмидесятитысячное население города имелось 2500 человек, или 3% людей без постоянного крова.

40. Обжорные ряды

По сведениям Н.И. Храмцовского, на улице Верхней Живоносновской (ныне Кожевенной) между гостиницей Фролова, известной более под названием «полицеймейстерских номеров» и Посадским рынком находился Обжорный ряд, в котором по веснам бурлаками и прочим рабочим народом выпивается необъятное количество квасу и съедаются тысячи пудов солонины, печенки, голов говяжьих, сушеного судака и прочего, и прочего». Обжорные ряды — это кухни-однодневки под открытым небом. Все Обжорные ряды в столицах — Москве и Петербурге, а также в крупных городах Российской империи — Казани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани, Екатеринодаре — были похожи друг на друга. Именно поэтому картина Владимира Маковского «Московская «обжорка» ярко иллюстрирует столовые для бедноты под открытым небом (авт.)

Из очерка Д.Н.Смирнова о «Обжорных» рядах на Острожной площади:
«Помимо огородников, Острожный базар имел еще вторую характерную особенность. Юго-восточная часть города не имела постоянных трактиров или столовых вблизи базара. Это обстоятельство вызвало появление здесь по пятницам своеобразных кухонь-однодневок под открытым небом. Предпринимательницы, слоноподобные, краснолицые торговки, являлись на площадь с передвижными железными плитами-кухнями и деревянными столами. Каждая плита имела духовой шкапчик, противень и котелок для варки бульона.

В открытых противнях шипели, распространяя острый запах сала и лука, разнообразные снеди для неприхотливого потребителя. У одних базарных «питательниц» выбор блюд состоял из кусков щековины, перевязанного мочалкой рубца, печенки, легкого и т. п. У других — в противнях красовались чайная и кровяная колбаса, обрезки ветчины. У третьих — яичница глазунья и «каклеты» разных сортов.

Особняком располагались пельменщицы, привозившие свою кулинарию в чугунных котелках, обмотанных тряпками. В морозный день пельменщица садилась на котелок, чтобы согревать пельмени. Цены на кушанье не были строго определены. Порции отпускались не по весу, а «на глазок»; можно было купить еды на пятак, на три копейки, на две. Были копеечные блюда. Фунтовый кусок колбасы ценою в 15 копеек делился на двадцать частей, а поджаренные кусочки продавались по копейке.
Бабы-кулинарки на разные голоса старались заманить покупателей, каждая к своему столу. Поминутно раздавались звонкие мелодичные или охрипшие возгласы:
— Рубец свежий и душистый!..
— Горло хорошее, горло!
— А вот щековина вкусная!
— Пельменей, кому пельменей?
— Каклеты, горячие каклеты!»

41. «Китайские кули» и «Японские рикши»

Групповой наем рабочей силы практиковался только до двух часов дня. После этого на долю «мытной биржи» оставалось только мелкое разовое обслуживание нужд посетителей рынка. Отнести на дом кулек провизии, расколоть дрова, набить снегом погреб — вот за что принимались люди «навеса», чтобы добыть кусок хлеба. Более сильные отправлялись дежурить у дверей мучных лавок. За десять-пятнадцать копеек человек превращался в китайского «кули».

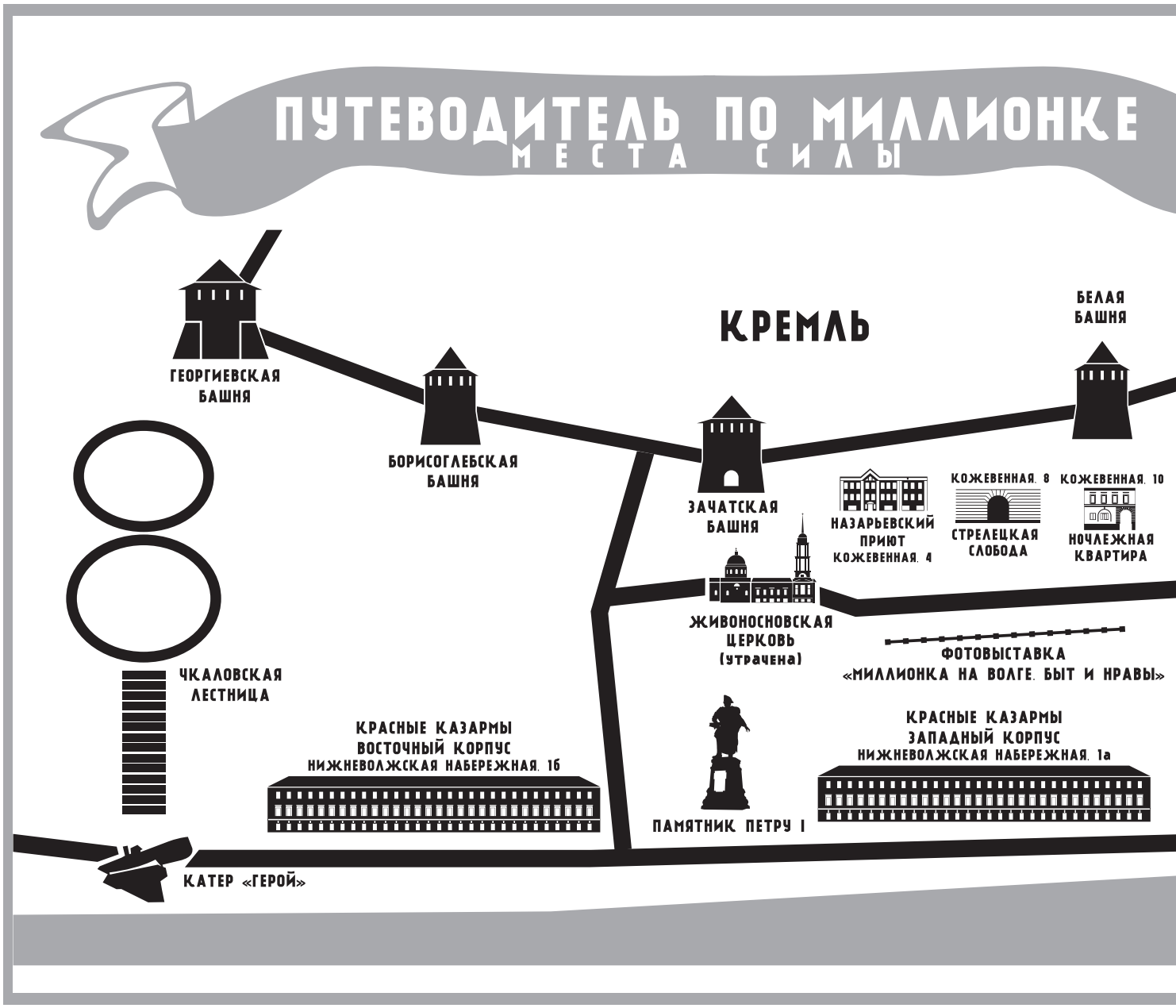
Он взваливал на себя пятипудовый мешок крупчатки, куль овса или гороха и тащил в любую, хотя бы самую отдаленную, часть города. Пятиалтынный — предел оплаты его труда, так как извозчик брал за то же расстояние двугривенный. Жизнью и бытом нижегородских «кули» не слишком интересовалось городское общество. Мало кто из горожан знал, что среди таскавших муку и зерно по улицам Нижнего числилось немало... женщин, одетых в штаны и рубаху.

Помимо китайских «кули», были в Нижнем еще японские «рикши» . Начиная с конца ноября (время замерзания Оки), через реку устанавливался, кроме обычной пешей и конной переправы, еще людской перевоз. Носильщики с Мытного двора, приделав деревянный стул к салазкам, перевозили в них за пятачок любого на ту сторону, к ярмарочной пожарной каланче. Багаж помещался в ногах у седока, «рикша» толкал салазки сзади, семеня лаптями по гладкому, как зеркало, льду реки. Голодные люди с жадностью бросались на любую возможность заработать.

42. О лавке Рукавишникова на Живоносновской

...Но и это богатство не было еще пределом для Рукавишникова. Настоящие деньги ему принесла Ока, вернее, ее весенние разливы. Свое железо он с помощью сыновей перевозил с Гребневских песков в город на салазках по льду. А до миллиона пудов железа других владельцев оставались зимовать на песках. В иные окские разливы вода почти покрывала крыши складских балаганов, и это обстоятельство часто бывало причиной аварий буксирных судов. Губернские власти потребовали сломать балаганы, а железо с Гребневских песков вывезти. Уральские железоторговые фирмы не подчинились — и были обложены крупными штрафами. Сложилась парадоксальная ситуация: уральцы стали не только бесплатно отдавать балаганы и сотни тысяч пудов железа нижегородцу Рукавишникову, но еще и здорово приплачивали ему за вывоз с территории ярмарки ему же подаренного имущества! Через пять лет Михаил Рукавишников уже « считался в нескольких миллионах». Удачливый железняк завел лавку-склад на Живоносновской улице Нижнего Новгорода...

Составь свой маршрут по Миллионке



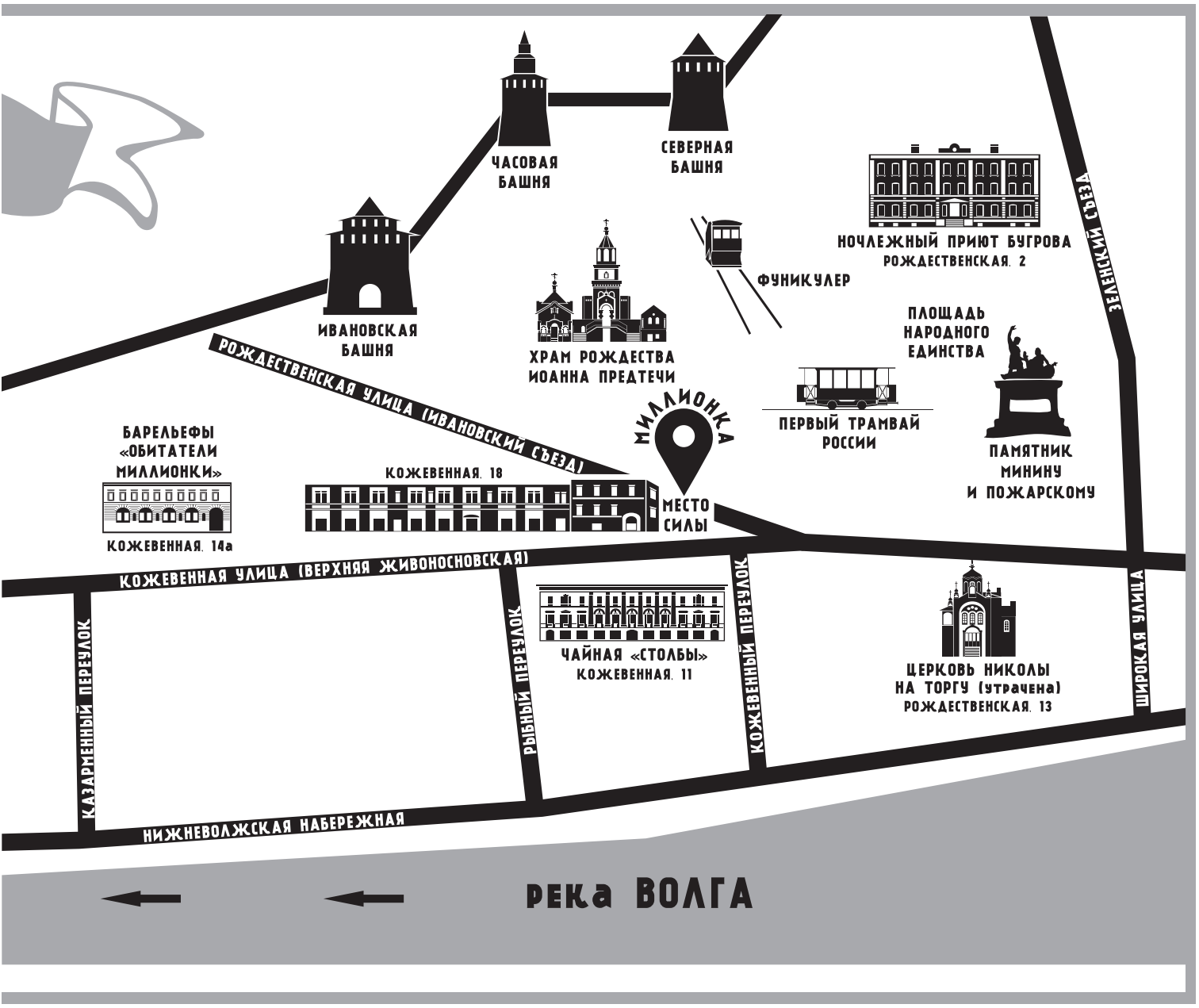
43. Народные чтения на Нижнем базаре в читальне

Любимым детищем нижегородских интеллигентов было Общество распространения начального образования. Основанное еще в 1872 году, оно к 1901 году насчитывало уже 350 членов. Среди них были преподаватели, врачи, адвокаты, служащие городских и земских учреждений, либерального толка уездные помещики и даже с десяток купцов-вольнодумцев.

Предметом деятельности Общества было: 1. Учреждение складов популярной литературы в разных местах губернии. 2. Открытие в городе и уездах общедоступных читален и библиотек. 3. Организация среди населения периодических лекций и чтений. 4. Устройство в разных местах литературно-музыкальных вечеров и утренников. 5. Организация питания детей школьного возраста в сельской местности. 6. Устройство библиотек для сельских учителей.

В 1902-м году нижегородские интеллигенты-просветители развили особенно интенсивную деятельность. Шесть раз устраивались «народные чтения» в «Пушкинской читальне» на Нижнем базаре, восемь раз — в двух городских тюрьмах и четыре раза — в Городском Вывозном (ассенизационном) парке. Надолго запомнилось нижегородской бедноте 21 февраля 1902 года, когда Общество начального образования организовало публичное чествование памяти Н.В. Гоголя.

Пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя Общество решило ознаменовать спектаклем и музыкальным дивертисментом в здании военного манежа в кремле с последовавшим затем угощением. Скудость средств заставила устроителей «Гоголевского вечера» определить число бесплатных входных билетов в 160 мест. Однако громадная толпа, окружившая здание, где раздавались бесплатные билеты, а также поступившие от разных лиц пожертвования заставили значительно расширить аудиторию. Было выдано 2000 бесплатных билетов, а после впущено в обширное помещение манежа еще 500 человек — просто так, без билетов. Труппой городского театра была сыграна знаменитая гоголевская «Женитьба», артисты прочитали отрывки из «Мертвых душ».



НИЖЕГОРОДЦЫ – СИЛА!

Федор Богородский «ВОЛЖСКИЕ ГРУЗЧИКИ», 1927 год